

Дарья Донцова

Любимые забавы папы Карло

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дарья Донцова
Любимые забавы папы Карло
Серия «Виола Тараканова. В мире
преступных страстей», книга 12

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121780

Донцова Д. Любимые забавы папы Карло: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-11753-9

Аннотация

Писать детективы трудно, но вот искать для них сюжеты – еще трудней! Ко мне явилась подруга Кира и рассказала душещипательную историю. Она влюбилась в некоего Эдуарда со сладкой фамилией Малина и решила уйти от мужа. Но воссоединиться с любимым мешала «маленькая деталь» – больная жена Эдика, на лечение которой Кира одолжила подаренное ей супругом бриллиантовое кольцо с огромным изумрудом. Ну а дальше Малина растаял вместе с любовью и ожерельем. Но адрес Эдика у Киры есть. И вот я еду к этому гаду, чтобы забрать кольцо. Однако в указанном месте живет какой-то замухрышка. Некто явно позаимствовал его паспорт. Кира с горя отравилась и загремела в реанимацию. Ни фиги себе сюжет для детектива! И где мне искать мерзавца?.. Но вот забрезжил свет в конце тоннеля – я приблизилась к развязке, опросив кучу

свидетелей. У лже-Малины оказалось много лиц – он и убийца, и обольститель, и вымогатель – сплошное отрицательное обаяние. Но не будь я Виолой Таракановой, если, как и многие, попадусь на эту удочку. Меня-то уж ему не обаять...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	46
Глава 5	58
Глава 6	72
Глава 7	85
Глава 8	98
Глава 9	110
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Дарья Донцова

Любимые забавы папы Карло

Глава 1

Даже если слегка подуть в морду своей любимой собаке, она ужасно разозлится и начнет демонстрировать крайнее неудовольствие, но стоит тому же псу залезть в машину, как он моментально высунет нос в окно, подставив его под струю встречного воздуха. Вы можете объяснить, почему четвероногий друг так ведет себя? Я нет. Хотя на свете есть много вещей, которые лично мне кажутся необъяснимыми. Ну, например, с какой стати мой муж Олег Куприн терпеть не может Киру Нифонтову? Кирка совсем даже не глупа, вполне симпатична внешне, всегда готовит к приходу Олега его самые любимые блюда и ни разу не попросила моего супруга о каком-либо одолжении. А ведь рано или поздно все наши знакомые, памятуя о том, что Куприн служит в милиции, начинают звонить и канючить:

– Слышь, помоги, у меня номера с тачки сняли.

Олег уже устал объяснять народу, что не имеет никакого отношения к владельцам резиновых жезлов и машин с бе-

ло-синими полосами, ну не является он сотрудником ГАИ. Да и к военкомату он тоже не имеет отношения! Еще Олегу не надо звонить с криком: «Мы горим!» – для таких ситуаций существует хорошо всем знакомый номер «01». Наверяд ли Куприн сумеет отыскать пропавшую кошку, и наказать соседа-пьяницу он не вправе, это работа участкового инспектора. Но никакие доводы разума на наших знакомых не действуют, поэтому, оказавшись в любой нештатной ситуации, они моментально хватаются за телефон и кричат:

– Куприн! На помощь! Скорей!

Олег человек добрый, дружба для него понятие кругло-суточное, поэтому он, вздыхая и чертыхаясь, едет в ГАИ или военкомат, вызывает пожарную команду и связывается с районным отделением милиции.

Так вот, Кирка Нифонтова никогда не обращалась к Олегу. Она ни разу не обременила его даже самой крохотной просьбишкой. И вот поди же ты! При виде Оли Скобцевой, пришедшей в очередной раз с мольбой выручить ее сына-оболтуса из «обезьянника», в который милый мальчик по чистой случайности попадает в пятый раз за месяц, Куприн тут же распахивает холодильник и гудит:

– Садись, Олька, не рыдай. Сейчас мы с тобой водочки хряпнем, селедочкой закусим, вот жизнь и наладится.

Но стоит Олегу увидеть лучезарно улыбающуюся Киру, которая принесла ему в подарок собственноручно связанный шарф, как он, вежливо буркнув «спасибо», сразу убега-

ет прочь. Именно сегодня, в субботу, в семь часов вечера, у него обнаруживаются срочные дела невероятной важности, о которых он забыл.

Я же остаюсь в глубоком недоумении. На мой взгляд, следовало стремглав уноситься от вечно рыдающей Оли Скобцевой, а Кирке Нифонтовой предложить водки с селедкой.

Вот и сегодня, едва увидев Киру, Олег мигом заявил:

– Черт! Надо на работу съездить.

– У тебя выходной, – быстро напомнила я.

Куприн моргнул раз, другой, третий. Видно, ему в голову никак не приходил нужный предлог для срочной ретировки из дома.

– Садись, – сурово сказала я, – чаю попьем, вон Кира опять твоё любимое суфле принесла.

– Э-э-э, – протянул мой майор, – да... но... ну... в общем, мне худеть пора.

– Ты замечательно выглядишь, – не упустила случая сделать комплимент Кира.

– Живот торчит, – влезла я.

– Это комок нервов, а не пузо, – улыбнулась всегда защищающая Куприна Нифонтова.

Думаете, Олег с благодарностью посмотрел на нее? Отнюдь! Мой муж плюхнулся на стул и уставился в окно. Поведение Куприна было просто неприличным. Уж не знаю, что подумала Кирка, но она, даже не моргнув глазом, принялась щебетать о своих новостях. Лично мне Кира напоми-

нает некую смесь певицы Верки Сердючки и моей любимой радиостанции, она постоянно повторяет:

– Все будет хорошо, я точно знаю, все будет хорошо.

Вот и сейчас от нее исходили лишь положительные эмоции. На даче в подвале прорвало трубу, но это очень кстати, потому что теперь хозяева знают, что менять. Домработница Киры невесть где летом подцепила грипп и не является уже две недели на службу, но это очень здорово, потому что раковые клетки погибают при высокой температуре; значит, Нюся в ближайшие пять лет может не бояться никаких опухолей.

Чем больше щебетала Кира, тем мрачнее делался Олег. Я уже решила на всякий случай пнуть муженька под столом ногой, но тут на кухню вошла Томочка и спросила:

– Никто мои ключи не видел?

– А зачем они тебе? – вдруг оживился Олег.

– Я на рынок собралась.

– Ты же мигренью мучаешься, – Куприн проявил несвойственную ему внимательность.

Томуся вяло улыбнулась:

– Мне уже легче.

Наверное, я должна была воскликнуть: «Что за ерунда! Нельзя с головной болью за харчами шастать, сейчас сама сгоняю».

Но в присутствии Киры этого не скажешь, подруга пришла в гости, и ей надо оказать внимание.

– Знаешь, – протянул Олег, – пиши список, я сам схожу на оптушку.

– Ты? – вытаращилась Тамарочка.

– Да. А что тут удивительного?

Я кашлянула. Совершенно ничего, кроме того, что Куприн до зубовного скрежета ненавидит любые магазины, кроме тех, где торгуют запчастями для автомобилей и рыболовными снастями. Надо же, до какой степени он терпеть не может несчастную Нифонтову, раз готов удрать из дома за едой.

Тамарочка, очевидно, была удивлена не меньше.

– Ну, – проямлила она, – спасибо.

– Вот бумага, – засуетился Олег, – и ручка, составь список, напиши подробно, я никакого самовольства не допущу, буду действовать по твоей указке.

Томуся села за стол и принялась выводить ровные строчки: «1. Килограмм сахара. 2. Пакет гречки. 3. Вилка простой капусты. 4. Цветной. 5. Десяток яиц. 6. Килограмм муки. 7. Батон белого хлеба. 8. Средство для мытья посуды. 9. Пакет молока. 10. Газета „Ух“».

– Последнее, конечно, несъедобно, – усмехнулась подруга, – но я люблю читать это издание перед сном. Жуткие глупости пишут, феерические сплетни, лежу и веселюсь.

– Никто тебя не осуждает, – отозвался повеселевший Олег, – на то она и газета, чтоб ее покупать. Ну я побежал, покедова. Скоро не ждите, список большой, часа три потрачу.

Томочка хихикнула, потом кашлянула и сказала:

– Чаек пьете?

– Ага, – хором ответили мы с Киркой.

– Уж не обижайтесь, меня мигрень просто сгрызла, пойду лягу.

– Вот бедная, – от души посочувствовала Кирка.

– Топай скорей в кровать, – велела я.

Спустя пару мгновений мы остались с Кирой вдвоем.

– Может, теперь кофейку? – предложила я.

Внезапно Кира схватила меня за руку.

– Сядь и послушай! Ты должна мне помочь! Я попала в идиотскую ситуацию.

– Ты? – изумилась я.

Кира кивнула.

– Что случилось?

– Глупость страшная, – пробормотала Кира, – просто несусветная, я сама виновата, но от осознания сего факта легче мне никак не делается. Ладно, слушай.

Чем дольше Кирка излагала свою историю, тем больше у меня отвисала челюсть. Вот уж от кого-кого, а от нее я не ожидала ничего подобного.

Кирку я знаю очень давно. Моя мачеха Раиса когда-то убирала у ее родителей квартиру. Раиса была честным человеком, ей и в голову не могло прийти взять чужую вещь, но однажды у Елены Семеновны, мамы Киры, пропало сапфировое ожерелье. Раису обвинили в воровстве. Моя бед-

ная мачеха клялась, что и в глаза не видела дорогостоящего украшения, но хозяйка устроила вселенский скандал и с воплем: «Только потому, что ты одна воспитываешь ребенка, я не пишу заявления в милицию», – вытолкала Раису вон.

Раисе пришлось пересекать большой двор, как назло, полный жильцов, под вопли бывшей хозяйки:

– Воровка, негодяйка, мерзавка!..

Домой мачеха вернулась пьяной. Когда я открыла дверь, Раиса упала в прихожей, сшибла локтем зеркало и моментально заснула, не заметив, как падчерица обметает ее веником. Утром, жадно глотая холодную воду, Раиса мрачно заявила:

– Отдохнула я! И что с того? Все вокруг квасят! Ну скажи Елена Семеновна: Райка водку жрет, так и ответить нечего, потому как это правда. Но чтоб я хоть нитку чужую взяла?

Злые слезы потекли по ее щекам, я бросилась утешать мачеху.

Через три дня в нашу крохотную квартиру явилась сама Елена Семеновна, высокая, статная генеральша. Заполнив своим пышным телом прихожую, она громко велела:

– Зови сюда Райку!

Я быстро загородила собой вход в комнату, где на диване дрыхла пьяная мачеха, и сказала:

– Идите отсюда. Раиса честная, никогда на чужое даже не посмотрит. Лучше не начинайте скандал в нашей квартире, хоть вы и замужем за генералом, я милицию позову, и вас за

хулиганство арестуют.

Елена Семеновна легко сдвинула меня в сторону, протиснулась в комнату, села около дивана и стала тормошить Раю:

– Эй, проснись.

– И чего тебе? – простонала мачеха, садясь.

– Прости, – закричала Елена Семеновна, – ну прости меня!

Оказывается, генеральша наняла новую домработницу, а та из усердия сделала то, что ленилась делать Раиса, – отодвинула от стены тумбочку. Ожерелье нашлось за мебелью.

Мачеха к Елене Семеновне не вернулась.

– Ну ее, – сказала мне она, – лучше уж подъезды мыть да улицы мести, оно спокойней.

Генеральша, чувствуя свою вину, щедро одарила бывшую домработницу, а еще она взяла меня на лето на свою дачу. Мы жили в одной комнате с ее дочкой Кирой и, наверное, могли бы стать лучшими подругами, но у меня к тому времени уже была Томочка, поэтому Нифонтова оказалась другом номер два. Но Киру это не обидело, у нее уже тогда был совершенно замечательный, неконфликтный характер. Кирка из той породы людей, которых принято называть везунчиками. Удача буквально преследовала ее по пятам. Кира выросла в очень благополучной семье, возле любящих родителей. Никаких братьев-сестер-племянников не имела, все внимание, все деньги, вся забота достались ей от мамы и папы целиком. Никаких проблем у Киры не было. Правда, отец ее

умер, когда Нифонтова еще сама не зарабатывала. Но никаких материальных тягот вдова и дочь генерала не испытывали. Я не знаю, где Елена Семеновна брала деньги, но Кира по-прежнему щеголяла в шубке и симпатичных сережках.

После окончания института мать подыскала дочке жениха. Другая бы девица начала возмущаться, вопить:

– Не лезь в мою жизнь, я сама замуж выйду.

Но Кира благополучно не подхватила в свое время инфекцию под названием «Первая любовь», она никогда ни в кого не влюблялась, не бегала по вечерам тайком от родителей в кино, не целовалась в подъезде и не обнималась на лестнице, на последнем этаже, где тросы лифта со скрипом уезжают в крышу. Наверное, по этой причине Кира незамедлительно потеряла голову, познакомившись с Борисом, которого Елена Семеновна привела к дочери за руку.

Короткий, бурный роман завершился шумной свадьбой. Спустя довольно большой срок после бракосочетания Кира родила близнецов, королевскую парочку, мальчика и девочку. Ей и тут повезло, тот, кто воспитывал двух ребят, очень хорошо меня сейчас понимает. Наследниками Нифонтова обзавелась не сразу, успела пожить для себя и для мужа.

Жизнь Киры текла без всяких потрясений. Единственное горе за долгие годы – смерть Елены Семеновны. Но судьба оказалась весьма благосклонной к вдове. Генеральша дожила до очень преклонных лет и сошла в могилу внезапно, не боля ни дня. Смерть ее можно назвать завидной. Яс-

ным днем Елена Семеновна вышла на веранду дачи, вдохнула свежий воздух и, радостно воскликнув: «Хорошо-то как!» – упала замертво.

Аневризма сосуда головного мозга – так, кажется, называется эта болячка. Елена Семеновна не мучилась ни минуты, она даже не поняла, что уходит на тот свет, а в гробу лежала с улыбкой.

Борис, муж Кирки, оказался замечательным супругом и отличным отцом. Он великолепно зарабатывает, впрочем, Кира тоже ходит на службу, с деньгами у них полнейший порядок. Есть замечательная дача, две машины, собака, а дети никогда не доставляли им хлопот. Просто образцово-показательное семейство, про которое даже нельзя написать в газете, потому что журналиста обвинят во лжи. Редактор прямо заявит на летучке:

– Что за сладкие слюни ты приволок? Таких семей теперь не бывает, пасторальная картина.

Чтобы окончательно добить вас, сообщу, что Боря обожаем делать Кирке подарки, причем старается проявить выдумку и сообразительность. Лишь бы что, типа флакона духов, он не приносит. На годовщину свадьбы в прошлом году Боря презентовал Кире ожерелье, перед которым меркло даже то, сапфировое, в краже которого когда-то обвинили Раису. «Ошейник», усыпанный брильянтами, а в центре крупный изумруд редкой чистоты.

– Камень из Боливии, – пояснил Боря, вытаскивая из ко-

робочки украшение, – а вот тут выложена буква К.

– Ты делал его на заказ! – восхитилась Кира.

– Конечно, – удивился Боря, – неужели я подарю тебе ширпотреб?

Ожерелье Кира убрала в сейф, оно было слишком ценным, чтобы просто так валяться в комод.

И вот сейчас, сидя на кухне, Кирка рассказывает мне ну совершенно невероятную историю.

Зимой она, солидная замужняя дама, мать двоих детей, кандидат наук... влюбилась.

– В кого? – задала я совершенно идиотский вопрос.

– В мужчину, – усмехнулась Кира.

– А если поподробнее? – стала злиться я.

– Его зовут Эдик, – тихо сказала Кира, – Эдуард Николаевич Малина.

– Странная фамилия, – засмеялась я.

– По-моему, замечательная, – резко отбрила меня Кира, и я захлопнула рот.

Ну и ну, здорово же ее скрутило! А Кира, не обращая внимания на выражение моего лица, продолжала рассказ, глаза ее горели, щеки алели румянцем, сейчас подруге запросто можно было дать двадцать лет и ни днем больше.

Ситуация оказалась простой как веник. В декабре прошлого года Кира ехала домой. Она очень хорошо водит машину, но, что характерно для многих женщин, совершенно не разбирается в моторе. Внезапно иномарка «умерла». Кир-

ка попинала колеса ногами, но, естественно, никакого положительного эффекта не добилась. Чертыхнувшись, она вытащила мобильный, чтобы вызвать техпомощь, но тут около нее притормозила машина, не слишком новая и совсем не дорогая.

– Что случилось? – спросил шофер.

– Вот! – сердито воскликнула Кира. – Не едет.

Водитель вылез, посвистывая, заглянул под капот «заболевшей лошадки» и вздохнул:

– Прямо тут, на дороге, я вам не помогу. Хотите, приятеля позову, у него здесь в двух шагах сервис?

Кирка согласилась. Дальше все происходило словно в сказке. Незнакомец, назвавшийся Эдуардом, развил бурную деятельность. Спустя наикратчайшее время прибыл эвакуатор, принадлежавший мастерской. Он бесплатно дотащил машину до автосервиса, где устранили неполадку в один момент, взяв за труд сущие копейки. Кира захотела отблагодарить Эдуарда и предложила:

– Давайте сходим в ресторан, я накормлю вас ужином, если, конечно, вы не очень к семье торопитесь!

– С какой стати ты сделала незнакомому парню подобное предложение? – перебила я подругу.

Та закашлялась.

– Ну... понимаешь, он же время на меня потратил...

– И ты решила отнять у него еще больше этого самого времени, зазывая благодетеля в трактир? Ну дала бы ему денег!

– Он не выглядел человеком, которому можно всучить мзду, – протянула Кира.

– Скажи честно, Эдуард тебе просто сразу понравился! – воскликнула я.

Кира секунду сидела не шевелясь, потом кивнула:

– Да, чего уж теперь скрывать. Знаешь, он такой...

«Ой-ой, он весь такой, ой-ой», – так, кажется, поет певица Глюкоза. Только эта песня исходит из уст молоденькой девушки, почти девочки, и адресована она ее одноклассникам. Такой, не такой, как все, замечательный, самый лучший, такой-растакой... Ну кто из нас, милые мои, никогда не произносил подобных слов? Маленькая деталь, нам с Киркой не двадцать и даже не двадцать пять лет! Пора уже и голову на плечах иметь. Но Кируське начисто отшибло мозги. Эдуард заявил, что он вполне свободен и готов рулить в харчевню. А у Киры муж на той неделе уехал в командировку, дети были с няней в санатории. В общем, понимаете, чем закончилось дело?

Глава 2

Утром, проводив Эдуарда, Кирка кинулась в ванную и влезла под холодный душ. Ее трясло, ломало и било в ознобе, словно во время тяжелой болезни. Кира пошла под венец девушкой в прямом смысле этого слова, никаких мужчин, кроме Борьки, в жизни Нифонтовой не было. К интимной стороне брака она относилась с прохладцей, по принципу: если супругу невтерпёж, то пожалуйста. Рождение ребенка обычно меняет женщину в сексуальном плане, но Кира осталась прежней. Мы никогда не обсуждали с ней интимные подробности нашей семейной жизни. Обе небольшие любительницы беседовать на эту тему, потому что считаем: в свою постель не следует пускать посторонних, ни ближайших родственников, ни знакомых. Но сейчас Кира была откровенна сверх меры.

Борис уделял жене всего пару минут, а потом, отвернувшись к стене, мгновенно засыпал. Наивная Кира полагала, что именно таким образом обстоит дело и у других, поэтому особо не переживала. С годами Боря стал охладевать к супруге, забирался к ней под одеяло от силы раз в два-три месяца, чему Кира была только рада. Она считала сексуальные упражнения чем-то вроде гимнастики, смешной и слегка утомительной. Эдуард же показал Нифонтовой «небо в алмазах». Бедная Кирка только сейчас поняла, с какой це-

люю женщина тащит мужчину в постель, и от этого знания ей стало плохо. Значит, большую часть своей молодости она, образно говоря, просидела в темном подвале, а теперь вдруг внезапно распахнулась дверь, и Киру вынесло на огромную поляну, залитую ярким солнцем. Было от чего обалдеть.

Ну а потом Киру окончательно сорвало с катушек. Пользуясь тем, что дети катались на лыжах в санатории, а муж решал какие-то вопросы в командировке, Кира всю развлеклась с Эдуардом в супружеской спальне, не испытывая при этом никаких, даже малейших, угрызений совести.

Малина был не только изобретательным любовником. Он интересовался всеми делами Киры, расспрашивал ее о детстве, юности, семейной жизни. Короче говоря, через две недели Кира поняла: она больше не может существовать без Эдуарда. Именно он ее вторая половина. И от этого ей было некомфортно, ведь половина эта официально ей не принадлежала.

Совсем плохо ей стало, когда вернулся Борис. Ночью он полез к жене, быстренько выполнил супружеский долг и со спокойной душой заснул носом к стенке. Кира же до утра пролежала, кусая подушку, пытаясь разобраться в себе. В юности Борис ей нравился, потом любовь угасла, превратившись в дружбу. Нифонтова считала себя счастливой женой, она была достаточно умна для того, чтобы понять: брак не может всегда существовать на пике чувств. Но сейчас у нее появилось отвращение к Борису и горячее желание, схватив

сумочку, удрать прямо в чем мать родила к Эдуарду.

Поскольку дома у Киры теперь сидел муж, следующее свидание любовники наметили в кафе.

– На данном этапе нам остается лишь чай пить, – грустно констатировал Эдик, – во всяком случае, сегодня. Потерпи, любимая, мне на днях должны заплатить деньги за проект, я сниму квартиру.

– Мы не можем пойти к тебе? – робко предложила Кира.

Эдик вздохнул:

– Увы! Нет.

– Но почему? Ты живешь не один?

Тот кивнул:

– Да.

– С мамой?

Малина завздохал, потом вытащил из сумки паспорт и положил на столик.

– Вот, смотри! Надо было сразу тебе сказать, да я смало-душничал!

Кира начала перелистывать странички, нашла штамп московской прописки, машинально запомнила адрес и ахнула. Глаза наткнулись на отметку о бракосочетании с женщиной по имени Ванда Львовна.

– Ты женат? – прошептала Кира.

– Да, – вздохнул Эдик.

– Ужасно! – вскричала Кира и осеклась.

Ну какое право она имела упрекать Эдика, сама ведь была

замужней дамой.

Малина грустно улыбнулся.

– Понимаешь, я полюбил тебя сразу, как только увидел тогда на дороге. С женой у меня давно нет никаких отношений, она очень больной человек, инвалид. Детей у нас не случилось, но уйти от супруги я не могу, подло бросать почти беспомощного человека.

– Что же нам делать? – прошептала Кира. – Как жить?

Эдик обнял ее и зашептал:

– Дорогая, ну погоди чуть-чуть, Ванда умирает, врачи дают ей год или даже меньше. Пойми, я не могу сейчас уйти, она погибнет. Я не люблю ее, я вообще никого не любил до тебя. Но строить наше счастье на крови Ванды не стану.

Кира кивнула.

– Да, конечно, но мне что делать?

– Потерпеть.

– И жить с Борей?

Эдуард схватил со стола салфетку, скомкал ее и отбросил в сторону.

– Извини, извини. Но Ванда не переживет скандала, я отошусь к ней, как к своей сестре, не надо ревновать. Потом, твои дети, они окажутся в эпицентре бури. Надо поступить не так! Не столь скоропалительно!

– А как? – наивно спросила Кира.

– Мы стиснем зубы, сожмем кулаки и будем вести двойной образ жизни. Ни твой Борис, ни моя Ванда не должны

ничего заподозрить. Скорей всего, осенью бедняжка умрет. И тогда я быстро продам нашу старую квартиру, куплю новую, сделаю там ремонт, и к зиме мы сможем въехать туда. Там и начнется наша счастливая жизнь. Ты, ничего не объясняя мужу, просто исчезнешь, прихватив с собой ребят. Не волнуйся, я быстро сумею наладить контакт с детьми. С Борисом тебе не придется более встречаться, все формальности решит нанятый мною адвокат!..

– И ты ему поверила? – подскочила я.

Кира кивнула.

– Да.

– О боже!

Нифонтова нахмурилась.

– Все нормально, мы жили прекрасно. Ни Борька, ни дети ничего не заподозрили. Ванда тоже пребывала в неведении, Эдик очень осторожен.

– Тогда в чем проблема? – слегка успокоилась я.

Конечно, Кирка наделала много глупостей, но если Боря не в курсе, то ничего особенно страшного не случилось. Многие жены изменяют мужьям, а те и не замечают, что стали рогоносцами. Наверное, скоро страсти начнут остывать. Кирка с Эдиком разбегутся. Надеюсь, в дальнейшем подруга станет умней и поймет: мужа на любовника не меняют, синица в руках лучше журавля в небе.

– В ожерелье, – вдруг выпалила Нифонтова, – в том, которое Борька мне на годовщину свадьбы подарил.

– А что с ним?

Кирка замялась:

– Ну... понимаешь...

– Говори.

– Я дала его Эдику.

– Зачем?

– Ему очень срочно понадобились деньги, Ванде пообещали сделать операцию в Германии, – заныла Кира. – Конечно, толку от нее не будет, баба одной ногой в могиле, но доктор, вот идиот, в присутствии жены сообщил Эдику: «Это ее последний шанс».

Я только хлопала глазами, слушая Киру.

Ванда стала умолять супруга отправить ее в заграничную клинику. Малина начал занимать деньги, но необходимой суммы не наскреб и попросил Киру:

– Не могла бы ты одолжить мне ожерелье, что подарил тебе муж? Я заложу его в ломбарде, отправлю Ванду в госпиталь, а сам раздобуду денег, выкуплю украшение и верну его тебе.

– И ты вручила ему баснословно дорогую вещь?

– Ага.

– Поверила, что твой Эдик найдет средства на его выкуп?

– Ему должны были заплатить гигантскую сумму за выполненный заказ, – ответила Кира, – он постоянно только об этом и говорил.

– Ты не побоялась, что Боря заметит отсутствие украше-

ния?

– Муж не проверяет наличие драгоценностей, – вздохнула Кира, – он мне верит. Вещь слишком дорогая, чтобы ее просто так надевать. Ожерелье лежало в сейфе, дома, но сейчас...

– Что?!

– Через месяц фирма, где Боря служит замом управляющего, будет праздновать десятилетие, – мрачно ответила Кира, – мужа предупредили, что его начальник уходит на пенсию. Во время торжества зачитают приказ о назначении Бориса главным по фирме. Это очень хорошо оплачиваемая, престижная работа. Вопрос хозяином решен, отчего он задумал устроить такое шоу, я не знаю. Но Бориска ажитирован сверх меры, желает предстать перед барином во всей красе, под ручку с шикарной супругой. Он шьет себе белый смокинг, мне – нежно-зеленое платье с ручной вышивкой.

– Тебе пойдет, – кивнула я.

– Да, и еще к вечернему наряду Боря велел непременно надеть то ожерелье с изумрудом, – прошептала Кира. – Но его нет! И что я Боре скажу?

– Правду.

– Ой, не могу, – испугалась Кира, – я хотела поступить так, как предложил Эдик, попросту убежать тайком. Я ненавижу скандалы, выяснения отношений. Но, знаешь, возникли проблемы...

– Какие?

– Ну, – стала запинаться Кира, – тут несколько моментов. Конечно, Эдик замечательный, просто необыкновенный, но ведь у меня дети. Какой из Эдика отец получится, я не знаю. Скорей всего, он захочет, чтобы я родила ему ребенка, Ванда-то не сумела. Ну и начнутся скандалы – я ведь не хочу ребенка! Потом, Машка с Ванькой отца обожают, им без него плохо будет. Опять же, у нас налаженная жизнь, шикарная квартира, машины... Борис после повышения начнет очень большие деньги получать, мы решили загородный дом строить. Понимаешь, с таким папой, как Борис, у Маши и Вани вполне обеспеченное будущее, а с Эдиком? Нет, он работает, но живет напряженно, денег больших не имеет, каково нам придется? Только не считай меня корыстной!

– И в мыслях такого не было, – вздохнула я, – я точно знаю, с милым рай в шалаше первые полгода, потом захочется мягкой постели, комфорта, вкусной еды, хорошей одежды и материальной стабильности.

– Дай объясню свою позицию, – затараторила Кира, – я люблю Эдика, очень! Очень! Но ради детей...

Несколько минут я слушала ее сбивчивую речь, потом обняла Киру.

– Послушай! Нет никакой надобности оправдываться. С тобой случилась самая обычная вещь: мужик вскружил тебе голову, проявил внимание и заботу, вот ты и попала на старый крючок. А сейчас дурман проходит и ты начинаешь понимать: прежний муж вовсе не так плох. Уютные, старые,

слегка потерявшие вид домашние тапочки бывают намного комфортней шикарных вечерних туфель.

– Я сволочь? – прошептала Кира. – Мерзавка, да? Эдик меня любит, строит планы на новую жизнь, а я...

– Вовсе нет. Ты самая обычная женщина, и переживания твои не оригинальны. Сделай правильные выводы из случившегося и живи дальше с Борей, только упаси тебя бог ему хоть взглядом намекнуть на свою измену, мужчины такого не прощают. Успокойся, с каждой женщиной рано или поздно случается подобное, главное, не ставить адюльтер на «поток». А одноразовый загул даже полезен. Знаешь, есть поговорка: «Здоровый левак укрепляет брак». Сбегала на сторону, сообразила, что свой собственный муж вполне даже ничего, и живи себе дальше. Насколько я понимаю, с Эдиком вас связывала лишь постель, – на одном дыхании выпалила я.

Кира вздохнула.

– В последнее время нам практически было негде встречаться, ходили по каким-то трущобам, ну, знаешь, такие жуткие квартиры, которые хозяева на пару часов парочкам сдают. Нет, я попала в отвратительное положение! Сначала мне было Борю жаль, теперь Эдика! Ну как он без меня жить станет!

– Думаю, что великолепно.

– Ой, нет! Эдик надеется на женитьбу...

– Скажи, Ванда умерла?

– Нет, – вздохнула Кира.

– Значит, успокойся.

– Почему?

– Понимаешь, многие мужики рассказывают любовницам одну и ту же сказочку: дескать, с женой он не живет, но бросить не может, поскольку та больна неизлечимо, смертельно. У этой Ванды гастрит, или хронический насморк, или, что вероятнее всего, вообще ничего серьезного!

– Нет, Эдик не такой!

– Ладно, проехали, постарайся забыть его. Главное теперь, чтобы сей фрукт не начал тебя преследовать. Хотя это навряд ли. Коли ты дашь ему от ворот поворот – найдет себе другую дуру. Прямо сегодня расставь точки над «i» и похорони происшедшее. Только не ругай себя, в конце концов, ничего ужасного не случилось.

– А ожерелье? – напомнила Кира. – Мне его надо будет непременно в сентябре надеть.

– Твой красавец его еще не выкупил?

– Нет.

– Значит, потребуй немедленно это сделать!

Кира всхлипнула:

– Он пропал.

– Эдик?

– Да.

– Совсем исчез?

– Ну, понимаешь... мобильный третий день подряд тал-

дычит: «Абонент находится вне зоны действия сети».

– Позвони на домашний.

– Я номера не знаю.

– На рабочий!

– Он мне тоже неизвестен, я вообще-то и не знаю, где

Эдик работает, как-то не спросила об этом!

Я призадумалась.

– Ладно, наплюй на эту сволочь, сама выкупи.

Кира вздрогнула.

– У меня таких денег и близко нет, а у Бори я попросить не могу.

– У него есть?

– Да.

– Хорошо. Скажи, что деньги понадобились мне, я выкуплю ожерелье, а там посмотрим.

Кира нахмурилась.

– Во-первых, я не хочу впутывать тебя в неприятную историю, а во-вторых, квитанция у Эдика.

– Так забери!!!

– Он же пропал!

Я уставилась на Киру.

– Вот потому-то я и прибежала к тебе, – грустно продолжала Нифонтова, – помоги, умоляю, я не знаю, в какой ломбард он сдал драгоценность.

– Что же я-то могу?

– У меня есть адрес Эдика, ну по прописке, я видела

штамп в его паспорте. Съезди к нему домой, я сама не могу, увижу эту Ванду и слечу с катушек, а ты умная, спокойная. Сделаешь вид, ну... будто какой-то ерундой торгуешь или опрос проводишь, улечишь момент и скажешь Эдику: «Кира просит передать, что между вами все кончено, выкупите немедленно ожерелье и верни ей, или, на худой конец, отдай квитанцию».

Я кивнула:

– Хорошо.

– Поезжай прямо сейчас, – оживилась Кирка, – вот тебе адрес.

– Ладно, только Олега дождусь.

– Надеюсь, он не до полуночи собрался по рынку шагать, – занервничала Кира.

Не успела она закрыть рот, как из коридора донесся голос Куприна:

– Просто не понимаю, каким образом вы ухитряетесь доносить до дома свои покупки! Даже я еле-еле допер сумки!

– Но список был совсем небольшой, – ответила Томочка, – так, по мелочи!

– Ни фиги себе! – по-детски воскликнул Куприн.

В ту же секунду мой майор возник на пороге кухни, в руках у него были большие, туго набитые мешки. С протяжным стоном Олег поставил их на стол и попросил:

– Воды! Холодной!

Я улыбнулась и протянула ему стакан:

– Пей.

Жадными глотками Куприн опустошил емкость.

– А теперь представь, – не утерпела я, – что тебе еще надо разобрать торбы, приготовить обед, постирать и погладить бельишко, убрать квартиру... Когда же ты без сил рухнешь у телика, в дом войдет муж и заорет: «Ишь расселась! Я работал, а ты целый день дома лентяйничала! Ну-ка, отрывай зад от дивана и беги рысью на кухню, есть хочу!»

– Я никогда так не говорю, – обиженно пробубнил Олег.

– Что-то ты очень много принес, – покачала головой вошедшая за ним Томочка.

Куприн вытащил из кармана мятый листок.

– Нечего меня ругать! Все по списку! Давай проверим. Смотри! Один килограмм сахара. Вот он, пожалуйста. Два пакета гречки. Держите. Три вилка простой капусты и четыре цветной, пять десятков яиц...

Томочка вытаращила глаза, я закашлялась, а Кира начала тихонечко хихикать. Не заметивший нашей реакции Куприн продолжал спокойно вынимать покупки.

– Шесть килограммов муки, семь батонов белого хлеба, восемь бутылочек со средством для мытья посуды, девять пакетов молока и десять газет «Ух». Все точно, никаких ошибок!

– Ну ты даешь! – только и сумела вымолвить Томочка.

– Послушай, – ласково сказала я, – ладно, пять десятков яиц, невероятное количество капусты и длинный ряд упаков-

вок жидкого мыла приобрести можно, в конце концов, логично предположить, что домашние решили сделать запасы, но зачем же нам семь батонов хлеба? А?

– Откуда мне знать, – устало ответил Олег, – котлеты готовить.

– А десять совершенно одинаковых газет?

– Послушай, – обозлился Куприн, – вечно ты всем недовольна! Не хожу я в магазин – лентяй, пойду – дурак! Я, между прочим, целиком и полностью ориентировался на список. Вот тут черным по белому красными чернилами стоит: семь батонов хлеба и десять газет. Томочка лично писала!

– Ты на бумажку взгляни, – сдавленным голосом пробормотала Томуська, – внимательно посмотри, там написано не «семь» буквами, а стоит цифра 7, за ней точка. Это просто нумерация. Я машинально так сделала: один, точка, килограмм сахара; два, точка, пакет гречки. Не в том смысле, что две упаковки крупы. Просто эта покупка шла под номером два!

Тут Кира не выдержала и захохотала в голос.

Олег покраснел.

– Вот что получается, когда за дело берутся бабы, – заорал он, – даже список по-человечески составить не можете!

– Но я очень аккуратно написала, – попыталась спорить Томочка, – после каждой цифры точка!

– Нечего из меня дурака делать! – рывкнул Олег и убежал из кухни.

Томочка растерянно посмотрела на меня.

– Ведь ежу же понятно, что десять одинаковых газет никому не надо!

– Знаешь, дорогая, – ответила я, – ты имеешь дело не с ежом, а с представителем мужского пола, поэтому не ропщи. Еж бы точно увидел точки и все понял правильно.

Глава 3

К дому Эдика я подъехала около пяти часов вечера. Мужчина с оригинальной фамилией Малина обитал в самом центре, в одном из узких кривых переулков, которые стекаются к Маросейке. Я оглядела большой серый дом, вскарабкалась на третий этаж и поняла, что любовь Киры ютится в коммуналке. На косяке было несколько звонков, около одного наклеена бумажка «Малина».

Палец нажал на кнопочку, за створкой глухо затренькало: раз, другой, третий. Я переминалась с ноги на ногу, словно застоявшаяся лошадь. Наконец дверь распахнулась, из квартиры пахнуло плесенью.

– Чего тебе? – устало спросила тетка, одетая в мятый ситцевый халат.

– Здравствуйте, – бодро затараторила я, – Эдуард Николаевич Малина тут проживает?

– Ну.

– Он дома?

– Ну.

– Можно с ним поговорить?

Баба почесала грязную голову.

– Ты кто?

– Представитель радиостанции «Волна», – бодро сообщила я, – Эдуард Николаевич наш постоянный слушатель.

– Ну?

– Мы ежедневно проводим викторину, – несло меня на волне лжи, – а за правильные ответы даем подарки. Ясно?

– Ну.

Однако, похоже, эта баба переплюнула даже Людоедку Эллочку, та все же знала побольше слов, нежели одно короткое «ну».

– Эдуард Малина дозвонился к нам в эфир и абсолютно верно сказал, что первым человеком, полетевшим в космос, был Юрий Гагарин.

– Ну?!

– Я привезла ему приз.

– Ну?!

Очень надеясь, что тетка не имеет никакого отношения к радиовещанию и не знает, что сотрудникам радиостанции и в голову не придет раздавать слушателям презенты, да еще самостоятельно развозить их победителям, я выудила из пакета коробку с феном, которую мне на день рождения подарила Лиза Риопова, и воскликнула:

– Вот.

– Давай, – ожила тетка.

– С удовольствием, если вы Эдуард Малина.

– Не, – разочарованно протянула баба, – я Ванда, жена его. Фен чуть не выпал у меня из рук.

– Ванда! Как вы себя чувствуете?

– Ну... А че?

– Не болеете?

– Тьфу-тьфу, на здоровье не жалуюсь, – охотно сообщила хозяйка, – так дашь фен?

Я почувствовала, как волна злобы поднялась к горлу и мешает дышать. Значит, я не ошиблась. Эдик попросту бабник, ловелас, обманул наивную Кирку. Его Ванда выглядит здоровее многих.

– Нет, – рявкнула я, – зови мужа!

– Эдька, – завопила тетка, – поди сюда! Живо, ханурик безмозглый!

Из душного коридора появилась тщедушная фигурка. От удивления у меня глаза полезли на лоб. Борис, законный супруг Киры, красивый, статный мужчина. Рост у него, наверное, метр восемьдесят пять, спортивная фигура, приятные черты лица. Боря всегда гладко выбрит, пахнет хорошим парфюмом и одет с иголочки. Уж не знаю, какие у него червоточины в душе, но внешний вид всегда безупречен. Эдик же выглядел омерзительно.

Маленький, плюгавенький мужичонка с довольно обширной лысиной. Мелкое личико с нездоровой серой кожей крепко пьющего человека покрывала трехдневная щетина, тощенькое тельце обтягивал так называемый тренировочный костюм: трикотажная вытянутая кофта и брюки, пузырящиеся на коленях. Интересно, где господин Малина раздобыл сей прикид, любимое одеяние советских мужчин семидесятых годов? Вот уж не думала, что подобные «трени-

ки» еще сохранились у кого-то в шкафу!

Подойдя вплотную к Ванде, Эдик заискивающе улыбнулся и произнес:

– Ну?

Стало заметно, что у мужика не хватает передних зубов. Я была потрясена. Что же за уникальные сексуальные способности у этой козявки, если Кирка влюбилась в нее? Эдика нельзя даже рядом поставить с Борисом.

– Вы Эдуард Николаевич Малина? – решила я на всякий случай уточнить.

– Ну, – кивнул обмылок.

Однако они с женой сладкая парочка. Представляю их обычную беседу:

– Ну?

– Ну!

– Ну!!!

– Ну???

Вот и поговорили, просто славно, такие небось никогда не ругаются. Нет, не может быть, чтобы Кирка даже посмотрела в сторону этого беззубого идиота.

– Несите паспорт, – приказала я.

– Ну, – тряхнул головой Ромео и юркнул в глубь квартиры.

Пару минут мы с Вандой стояли молча, потом щедедушное создание пришлопало назад и протянуло мне бордовую книжечку. В полной растерянности я перелистала странички и ляпнула:

– А другого Эдуарда Николаевича Малины тут нет?

– Не, – протянула плюгавая личность, – одни мы.

– На всю Москву, – гордо подтвердила Ванда, – меня родственник искал. Из Казани приехал, а бумажку с адресом и телефоном потерял. Так по справке мигом нашел. Других Малина нет. Вот какая фамилия знаменитая!

– Это моя фамилия знаменитая, – Эдуард решил поставить супругу на место, – а твоя, девичья, проще некуда, Петрова. Кабы не я, не стать бы тебе вовек Малиной!

Ванда скривилась.

– Ясное дело, другие мужики деньгами гордятся, машинами. Вон петька Рюмин шубу жене купил. Ну а тебе только о фамилии и говорить! Слышь, отдавай фен, наш он получается.

Последняя фраза явно относилась ко мне.

– А за что нам подарок? – удивился Эдуард.

Ванда зыркнула на мужа.

– Ты вроде отличился, на вопрос ответил.

– Какой?

– Про этого, космонавта.

– Что? – вытаращился Эдик. – Никто меня и не спрашивал.

– Вы его жена? – Я быстро попыталась перевести разговор на другую тему.

– Законная, – кивнула баба.

– Свой паспорт принесите и свидетельство о браке.

– Зачем?

– Условие такое, фен отдают семейной паре с официально зарегистрированными отношениями.

Ванда начала жевать нижнюю губу. Я насторожилась, сейчас она совершенно логично спросит: «С какой стати тащить кучу документов? В паспорте у мужа штамп стоит».

Но Ванда вдруг кивнула и молча ушла. Я бросилась к огрызку.

– Отдавай квитанцию!

– Какую? – вздрогнул сморчок.

– Ломбардную, на ожерелье.

– Чего?

– Послушай, сейчас твоя крокодилица вернется.

– Кто?

– Ванда.

– Ну?

– Хватит выдрючиваться, меня Кира Нифонтова прислала.

– Кто?

– Любовь твоя! Немедленно принеси квиток!

– Психованная, да? – жалобно спросил Эдуард. – То про космонавтов вопишь, то фен под нос суешь, теперь новую придурь несешь. Че хочешь-то?

Я схватила его за плечи и встряхнула.

– Волоки квиток, живо. У Кирки никаких претензий к тебе нет, она сама брюлики выкупит. Шевелись, убогий!

– Ванда! – заорал мужичонка с такой силой, что на люстре в прихожей зазвякали висюльки.

Жена мгновенно явилась на зов.

– Ну?

– Она меня обижает, – по-детски протянул Эдик, – во, пристаёт, квитанцию требует, хочет, чтобы я в какой-то лом-бард пошел...

Ванда уперла кулаки в то место, где у нормальных женщин изредка случается талия.

– Ну? Че надо...

Внезапно мне стало душно, закружилась голова, а в душе вдруг поселилась уверенность: все очень, очень плохо.

– Можно пройти к вам на кухню, – прошептала я, – сейчас все объясню.

Ванда окинула взглядом мою фигуру.

– Ну, топай, – разрешила она, – ща разбираться станем.

Около часа я растолковывала парочке суть дела. Наконец Ванда всплеснула руками:

– Ну и ну!

– Ну! – подхватил Эдуард. – Ваще, блин!

– Не он это, – категорично заявила жена.

Я вздохнула:

– Да я уже поняла.

– Точно не он, – продолжала Ванда, – вот кабы ты сказала, что Эдька нажрался и бухой в городе на тротуаре насрал, тут я и сомневаться не стану. Как на грудь примет, так и тянет

его на подвиги. Но по бабам, не! Не шляется! Он импотент!

– Точняк, – без всякой обиды подхватил Малина. – Давно в тираж вышел! Вот раньше...

– И раньше ты плохой был, – безжалостно припечатала жена.

Эдик сник:

– Ну... ну... ну...

– Какие у вас претензии? – прищурилась Ванда.

– Никаких, – серьезно ответила я, – попробуйте вспомнить, кто мог взять у Эдуарда паспорт?

– Э-э-э, – завел мужичонка, – и не знаю! Лежал себе в комод.

– Может, на работу приносили, а там кто и сцапал? – пыталась я ухватиться за последнюю надежду, но Ванда мгновенно ее разбила:

– Нет. Документ в комод всегда лежит.

– А соседи?

– Бабка у нас тут одна живет, Зина, – покачала головой Ванда, – ну за фигом ей Эдькин паспорт нужен?

– Ну, – протянул Эдик, – верно.

Я вытащила из сумки блокнот, вырвала листок, написала на нем цифры и протянула Ванде.

– Это мой номер мобильного.

– Ну?

– Вдруг вспомните, кто брал паспорт, позвоните.

– Ну?

– Я отблагодарю вас.

– Ну?

– Денег дам, поворочайте мозгами, напрягите память.

– Ну, – кивнула Ванда.

Я поняла, что диалог закончен, и встала.

– А фен? – напомнила женщина. – Отдашь его или соврала?

– Возьми, – протянула я ей коробку, – пользуйся на здоровье.

Ванда схватила упаковку и воскликнула:

– Мы подумаем, авось чего в башку и въедет. Ты с нами по-хорошему, фен вот не пожалела, и мы с тобой по-человечески.

– Ну! – радостно закончил огрызок. – Ну!

Когда Кира узнала, чем закончился мой визит, она зарыдала с такой силой, что я испугалась за сохранность своего мобильного:

– Боже! Он обманул меня! Спер ожерелье!

– Ну в краже, боюсь, парня нельзя обвинить, ты сама ему драгоценность отдала.

– Господи, – стонала Кира, – делать-то что, а?

– Скажи Борьке, что потеряла.

– Где?

– Пошла на тусовку...

– Я на них не бываю.

– В гости.

– Не пори чушь! Что я, дура? Обронила у кого-то в квартире ожерелье и не стала искать? И потом, с какой стати мне цеплять на себя такую ценность?

– Пофорсить захотела.

– Перед кем?!!

Я замолкла, из трубки донеслись судорожные рыдания.

– Борька меня бросит, он мигом поймет, в чем дело, – стояла Кира.

– Успокойся, – попыталась я привести Киру в чувство, – все устаканится.

– Как?

Действительно, как? Ожерелье само собой не появится.

И тут меня осенило.

– Твоя машина!

– А с ней что? – с легким недоумением поинтересовалась Кирка.

– Помнишь, как ты познакомилась с Эдуардом?

– Конечно, я стояла около заглухшей тачки...

– Дальше.

– Он притормозил...

– Дальше...

– Вызвал эвакуатор, сказал, что неподалеку сервис, где его приятель работает.

– Вот! Адрес помнишь? Ну куда автомобиль приволокли!

– Да, – мямлила Кира.

– Быстро говори.

Нифонтова забубнила:

– Надо пересечь улицу Народного Ополчения, потом вниз, на светофоре налево, прямо, направо, снова налево и попадешь на такую магистраль, длинную, всю в заборах. Никаких домов, одни ограды. Та ремонтная мастерская последняя, у нее изгородь из бетонных блоков, покрашенных в желто-черную полосу, а на воротах голова тигра нарисована, очень приметное место.

– И что, Малину там знали?

– Стопроцентно, – всхлипнула Кира, – вышел мастер и засюсюкал: «Ах, Эдуард Николаевич, здрасти. Что за беда случилась? Ой, хорошо, что не с вами, а то я прямо испугался!» Эдик точно там постоянный клиент.

– Ладно, – вздохнула я, – скатаюсь к этому тигру, авось чего и разузнаю.

– Вилка! – снова громко, в голос, зарыдала Кира. – Спаси меня, дуру, найди мужика, отними у него квитанцию. Мне бы только узнать, в какой ломбард он ожерелье заложил.

– Разве их много? – вздохнула я. – Раз, два, и обчелся. В случае чего все объехать можно.

– Нет, – с отчаяньем воскликнула Кира, – закладных контор полно! Это раньше они наперечет были, а сейчас развелось как собак нерезаных! Я кредит в банке возьму, в двух, в трех, выкручусь как-нибудь!

– погоди, – попыталась я успокоить подругу, – не гони

лошадей. Может, твоя любовь еще объявится.

– Нет, – прошептала Кира, – мне ясно стало, он вор. И вообще...

– Что?

– Да так...

– Договаривай!

Кирка снова заревела.

– Чем дольше обо всем думаю, тем яснее понимаю, с кем связалась. У него никогда денег не было.

– Ты о чем?

– Ну везде я расплачивалась, – объяснила Кира, – у Эдика карточка банковская была. Он ее протягивал официанту, а тот через некоторое время возвращался и говорил: «Простите, платеж не проходит, касса выдает отказ».

Я угрюмо слушала Киру, похоже, глупая, доверчивая Нифонтова и впрямь стала жертвой опытного мошенника. Услыхав про неработающую кредитку, Эдик прятал ее в бумажник и говорил:

– Милая, посиди тут несколько минут, я в банкомат сгоняю.

– У меня есть наличка, – отвечала Кира и быстро расплачивалась.

Ситуация повторялась с занудным постоянством. Любая другая женщина на третий раз сумела бы сообразить, что кавалер дает пустышку, на счету которой ничего нет, но влюбленная Кира только возмущенно восклицала: «Нет, просто

ужасно! У нас очень плохие линии связи. Вот в Америке, там даже на дне Великого каньона можно за открытки при помощи кредитки расплатиться! Да уж, России далеко до мирового прогресса».

– Ну и дура же я была, – стонала Кира, – вообще ничего не понимала! А еще у меня мобильный пропал, супернавороченный! Оставила его на столике, пошла руки мыть, возвращаюсь – аппарата нет, и Эдика тоже. Приходит потом, оказалось, тоже в туалет пошел. Он так возмущался: «Ну и трактир! Мобильные прут».

– Что у тебя еще исчезало? – мрачно поинтересовалась я.

– В бассейне часы, кошелек в магазине, – стала методично перечислять Кира, – на заправке сумочку свистнули. Только сейчас до меня дошло! Это Эдик воровал! Господи, какой я была слепой. Значит, он вовсе не Эдуард Малина!

– Выходит, так.

– А ожерелье!!!

– Думаю, он его не закладывал, просто продал.

– Вилка-а-а! Помоги-и-и!

– А ну замолчи, – рассердилась я, – нечего рыдать. Сейчас поеду в сервис, в конце концов, до праздника еще целый месяц.

Глава 4

У Кирки оказалась хорошая память, она верно описала дорогу и сообщила точные приметы механика: светловолосого парня с изуродованной верхней губой я увидела сразу.

Довольно просторный офис был обставлен хорошей мебелью, на диванах сидело несколько человек, около них на столиках стояли чашки с кофе. Похоже, дела у этой ремонтной мастерской идут совсем неплохо, а о клиентах тут заботятся, как о самых любимых родственниках. Вон какой удобный зал ожидания: на столах конфеты, газеты, журналы.

Я села в свободное кресло.

– Вам на какой час назначено? – тут же спросил худощавый парень в светлом комбинезоне. – Дайте, пожалуйста, талончик.

– Спасибо. Я жду вон того юношу, блондина. Видите, он с женщиной в красном платье разговаривает, – улыбнулась я.

– Сережу Яковлева?

– Да, – быстро согласилась я, – именно его.

– Он пока занят. Могу чем-либо вам помочь?

– Нет-нет, спасибо, – ответила я, – мне нужен только Яковлев.

Юноша окинул меня оценивающим взглядом, потом подошел к Сергею и тихо что-то сказал. Яковлев обернулся, одарил меня ничего не значащей, официальной улыбкой и

моментально был наказан за это клиенткой.

– Это просто безобразие! Аккумулятор барахло! Схалтурил, а теперь еще глазки другим строит, – завозмущалась тетка в красном.

Яковлев подхватил строптивую автомобилевладелицу под локоток и потащил в глубь офиса. Стройный юноша вернулся ко мне.

– Боюсь, Сережа освободится не скоро.

– Ничего страшного.

– Может, все же я вам помогу?

– Нет, спасибо.

– Желаете иметь дело только с Яковлевым?

– Да, – сухо ответила я, – и больше ни с кем другим.

Последнее замечание звучало откровенно грубо, но мне очень хотелось избавиться от назойливого служащего. Надеюсь, сейчас он обидится и уйдет. Но парнишка, наоборот, принялся усиленно проявлять заботу.

– Чаю желаете?

– Спасибо, нет.

– Кофе?

– Благодарю, я не пью растворимый.

– У нас натуральный, – не сдался «прилипала», – из машинки. Со сливками будете?

– Я вообще ничего не хочу!

– Минеральной, со льдом?

– Благодарю, просто посижу спокойно.

– Могу принести теплой, если за горло опасаетесь, – не успокаивался сотрудник автосервиса.

Я подавила стон, ну что поделать с таким? Он ведь искренне хочет услужить. Наверное, молодой человек в школе не учил басни И.А.Крылова. У этого писателя есть замечательное произведение, называется «Демьянова уха».

Тут, на мое счастье, кто-то крикнул:

– Гоша, иди сюда скорей!

– Мне придется оставить вас на пару минут в одиночестве, – пригорюнился паренек.

– Сделайте милость, – натянуто улыбнулась я, – давно хочу вон тот журнальчик почитать.

Гоша убежал, я схватила со столика издание с глянцевыми страницами и сделала вид, что невероятно заинтересовалась статьей под названием «Наш друг катализатор». Знать бы еще, в какой части автомобиля расположен этот «друг» и зачем он нужен!

– Гоша сказал, что вы меня ждете, – раздался над моей головой хриловатый баритон.

Я оторвала глаза от страницы и машинально спросила:

– Где помещается катализатор?

– Грубо говоря, в выхлопной трубе, – мигом ответил парень со шрамом над губой, – в иномарках, наши в основном их не ставят. А что, у вас с ним проблема?

– Ой, простите, – опомнилась я, – совсем не в этом дело.

– А в чем? – вежливо поинтересовался Сергей.

– Меня прислал Эдуард.

– Кто?

– Ваш постоянный клиент Эдуард Николаевич Малина! Яковлев почесал ухо.

– Вы ошибаетесь, у меня нет такого заказчика.

– Ну как же, Эдуард Малина, человек с очень редкой фамилией.

– Ваша правда, именно поэтому я и отвечаю столь категорично: незнаком с таким.

– Но он мне вас описал! Очень точно.

Сергей пожал плечами.

Я откашлялась и начала фонтанировать:

– Скажите, вы телевизор смотрите?

Яковлев снова почесал ухо.

– Ясное дело, что ж еще вечером делать. Только если у вас телик сломался, то это не к нам. Мы машинами занимаемся, такими штуками на четырех колесах, может, встречали когда на улицах? В них люди ездят.

Оставив без внимания издевательский пассаж Сергея, я вдохновенно продолжала:

– Программу «Розыгрыш» видели?

– Попадалась.

– Так вот, я администратор «Розыгрыша», э... Настя Трифонова!

Назвавшись чужим именем, я сама удивилась, ну с какой стати мне взбрело в голову ляпнуть: Настя Трифонова?

– Очень приятно, – вежливо кивнул Сергей.

– Мы хотим разыграть Эдуарда Малину.

– Замечательно.

– Мы очень надеялись, что сотрудники сервиса, где он чинит автомобиль, нам помогут.

– Вау, – взвизгнули за спиной, – телик! «Розыгрыш»! Я вас обожаю.

– Гоша, – рявкнул Сергей, – займись делом.

– Я ей чай принес, – залопотал паренек, – с лимоном и сахаром, вот!

– Поставь и уходи!

– Ну, Серега! Это моя любимая передача!

– Отвали.

Гоша отступил на пару шагов.

– Ничем не могу вам помочь, – улыбнулся Яковлев, – с таким клиентом я незнаком.

– Послушайте, Сережа, – улыбнулась я, – мы вам заплатим, только подскажите нам адрес Эдуарда.

– Откуда бы мне его знать?!

– Хотите на TV попасть, на съемку?

– Боже упаси, нет!

– Я, я, я пойду, – застрекотал Гоша, – когда? Прямо сейчас могу!

– Отвянь, – прошипел Яковлев.

Я тяжело вздохнула и продолжала дожимать Сергея.

– Ну зачем ты врешь! Эдуард привез к вам девушку, вер-

нее, молодую женщину по имени Кира Нифонтова. У нее была сломана машина. По словам Киры, Малину ты встретил как родного, называл по имени, чуть на шею к нему не кидался.

– Идите сюда, – поманил меня пальцем Сергей.

Я встала и двинулась за парнем, тот приблизился к компьютеру, пощелкал мышкой и велел:

– Смотрите, вот список наших постоянных клиентов. В салоне действует система накопительных скидок, поэтому фамилии всех тех, кто хоть раз посетил нас, обязательно вносятся в компьютер. И где же тут Малина?

Я пошарила глазами по строчкам. Действительно. Маловеров, Малафеев, потом сразу Малькин. Никакого Малины и в помине нет.

– Но мне так точно описали сервис, ворота с нарисованным тигром.

Сергей развел руками.

– И о вас рассказали, – не успокаивалась я, – шрам над губой!

Яковлев кивнул.

– В детстве с дерева упал, прямо на булыжник. Только с Эдуардом Малиной я незнаком.

– Давайте посмотрим на фамилию Нифонтова, – додумалась я.

Сергей кивнул и снова защелкал мышкой.

– Есть, – спокойно сообщил он, – Кира Григорьевна. Ерун-

довое дело было, на три минуты работы.

– Вот видите! – подскочила я. – А говорите, не знаете Малину. Кира-то тут есть!

Сергей принялся яростно чесать ухо.

– Она в списке, – согласился он, – вроде я поломку устранил, но, простите, подробностей не помню, тут такой поток клиентов. Тех, кто регулярно приезжает, конечно, я выделяю из общей массы, но клиентку, прикатившую случайно, естественно, не зафиксировал. Вот для чего нам компьютер. Если Нифонтова снова сюда обратится, ей сразу скидку дадут, это очень удобно...

– Значит, Малина вам известен!

Сергей закатил глаза.

– Нет.

– Но Нифонтова есть в списке?

– Да.

– Ведь ее к вам привел Малина.

– Понятия не имею!

– Кира так сказала!

– У нее и уточняйте, – начал сердиться Сергей, – вообще, не понимаю! Поломалась тетка на дороге, доплюхала до нас, починилась, и ку-ку! Ну че вам надо?

– Адрес Малины или телефон.

– Не знаю его!

– Кира была у вас?

– Да!

– Ее сюда Малина привез!

Яковлев всплеснул руками.

– Ваще, блин. Я че, интересуюсь, кто с ней прикатил? Имя любовника я не спрашиваю. В компьютер заносятся только данные самого клиента!

– Откуда вы знаете, что Малина любовник Нифонтовой? – быстро спросила я.

– О-о, – застонал Сергей, – ничего я не знаю!

– Сами только что сказали: «Имя любовника не спрашиваю».

– Просто так, от балды ляпнул.

– Серега, – крикнули с ресепшен, – к телефону!

Яковлев с радостью бросился к стойке. Я перевела дух. Ничего, сейчас дожму парня.

– А вы правда с телевидения? – восторженно спросил Гоша.

Я кивнула. Самое интересное, что я не вру. Некоторое время назад мне сделали неожиданное предложение: поработать в программе «Проснись и пой» редактором по гостям. Работа эта временная, всего на пару месяцев, я подменяю сотрудницу, которая ушла в декрет. Собственно говоря, будущая молодая мама – моя соседка Лена Заварзина. Она пришла к нам и с порога заняла:

– Слышь, Вилка, выручи, всего ничего поработать, я рожу, два месяца отсижу дома, а потом свекровь приедет.

– С ума сошла, – испугалась я, – мне не справиться.

– Дело нехитрое, – завершила меня Ленка, – редактор по гостям – это очень просто, не о чем париться, сама тебя на-таскаю.

– Но у меня может не получиться, и потом, мне книгу во-время сдать надо, – засомневалась я.

Заварзина заморгала.

– Ерунда. Мы начинаем в шесть утра, эфир прямой, гости косяком идут, один другого сменяет. Твое дело ерун-довое: вечером всех обзваниваешь, напоминаешь, заказываешь пропуска. Утром встречаешь гостей у мента на центр-альном подъезде, ведешь в студию, чай, кофе, ля-ля, грим, звук, после эфира выпроваживаешь гостя и хватаешь следу-ющего. На второй день въедешь, ничего сложного. Ты только подумай: к нам звезды ходят, всякие люди интересные, всех живую увидишь, приколы!

– Честно говоря, я никогда не испытывала желания дру-жить с известными личностями, – призналась я, – мне и с моими подругами хорошо.

– Зарплата знаешь какая! Ого-го! – заорала Заварзина.

Я призадумалась. Названная цифра впечатляла. Может, кому-то она бы показалась маленькой, но мне вполне подхо-дит. Можно будет тратить ее на хозяйство, а гонорар за книги откладывать на покупку новой машины или дачи. Вот только как совместить телевидение и писательство?

– Заканчиваем мы ровно в десять, – журчала Лена, – и мо-жешь отправляться куда желаешь, весь день свободен. Кста-

ти, многие наши на нескольких передачах пашут. Ну выручи. Если кого с улицы поставят, то меня и подсидеть могут. Захочу вернуться, а начальство рывкнет: «Нечего было размножаться. На твоём месте другой человек хорошо работает». А от тебя подянки ждать не приходится.

– Ладно, – кивнула я.

Ленка повеселела, мы с ней съездили в «Останкино», меня протащили по кабинетам и в результате выдали пропуск. Заварзина провела со мной подробный инструктаж, и завтра, ровно в пять сорок мне предстоит приступить к работе. Поэтому насчет телевидения я не соврала.

– Очень хочу в студии побывать, – не успокаивался Гоша, – вы меня пригласить можете?

– Нет, – отмахнулась я от него.

– А Сереже обещали, – напомнил Гоша, – если он вам адрес Малины даст.

Я мрачно посмотрела на «прилипалу».

– Если бы ты мне координаты Эдуарда раздобыл, так мигом бы на телевидение попал.

Гоша притих, потом потянул меня за рукав.

– Вы на машине? Давайте отъедем на соседнюю улицу.

– Зачем? – вздохнула я.

– Могу кое-что вам рассказать про Малину.

Не говоря ни слова, я пошла на улицу, Гоша порысил за мной. Увидав мою колымагу, юноша хмыкнул:

– Давно говорю, лучше наших машин не бывает, ведь дав-

но труп, а катается!

– Ты решил обсудить достоинства моей тачки?

– Ой, не сердитесь, – засуетился Гоша, – просто так ляпнул, не со зла.

Мы влезли внутрь, я включила мотор и поехала вниз, к повороту.

– У вас клапана стучат, знаете? – заботливо осведомился Гоша.

– Нет, а что, это плохо?

Мастер хмыкнул и тут же спросил:

– Правда на телик проведете?

– Стопроцентно, но в обмен на адрес Малины.

– Я его не знаю.

Я резко нажала на тормоз. Гоша стукнулся лбом о торпеду.

– Ну вы даете! – воскликнул он. – А если бы следом кто-нибудь ехал? В зад вам вломился бы!

– Мне вломиться в задницу нельзя, – процедила я, – потому что моя мадам Сижу находится на сиденье, а ты сейчас быстренько отрывай свой окорок и вали отсюда! Обманщик!

– Так я видел Малину!

– Где?

– У нас! Даже помогал им.

– Кому?

– Сергею и Эдуарду. Мы вместе спектакль разыграли.

– Какой?

– Ну, с вашей Кирой. Она, дурочка, поверила! Такая глупая.

Я припарковала машину в тени раскидистого старого дуба и приказала:

– Теперь, дружок, излагай события последовательно, неторопливо.

– На телевидение проведете?

– Обязательно.

– Прямо в студию?

– Непременно.

– А еще иногда участникам можно вопрос задать?

– Ладно, получишь микрофон.

– И меня на всю страну покажут? И представят: Гоша Мискин?

– Обещаю, но только если ты сейчас расскажешь все, что знаешь об Эдике Малине, – напомнила я.

Глава 5

Гоша попал в сервис случайно, учился он в школе плохо, больше троек никогда оценок не получал, да еще прогуливал уроки и не делал домашних заданий. Ну о каком высшем образовании могла идти тут речь?

Особых пристрастий у мальчика не было, учиться на авто-слесаря он пошел за компанию с приятелем Сережей Яковлевым. Вот тот очень уважал механизмы и быстро стал классным специалистом, которого с дорогой душой взяли на службу в престижное место. Яковлев оказался верным другом, устраиваясь на работу, он похлопотал о Гоше, прихватил его с собой. Теперь Мискин чинит чужие автомобили и не испытывает от этого никакого удовольствия. Больше всего на свете ему хочется денег и славы. Гоша очень хорошо понимает, что ремонтная мастерская, пусть даже большая, с хорошей клиентурой, не для него. Только каким же образом можно стать богатым и знаменитым? Наверное, нужно засветиться на телеэкране...

– Послушай, – прервала я речи парня, – ты не на приеме у психоаналитика, не надо сообщать мне всю свою биографию в мельчайших подробностях, расскажи только про Малину.

– Так о чем и речь! – воскликнул Гоша. – Подходит тут ко мне Серега и спрашивает: «Слышь, хочешь заработать?»

– Кто ж откажется? – воскликнул Гоша, но потом на вся-

кий случай поинтересовался: – Делать-то чего надо?

Сережа усмехнулся:

– Практически ничего. Вот тебе адрес, езжай туда, найдешь автомобиль, номерной знак «830», откроешь капот и...

– Зачем? – испугался Гоша.

Сережа засмеялся:

– Есть у меня один знакомый, Эдик. Уж не двадцать лет ему, солидный такой дядечка, а влюбился, как первоклассник. Прикинь, он к телке подойти стесняется.

– И чего? – по-прежнему не врубался Гоша.

– Цирк, да и только, – вздохнул Яковлев, – он придумал целый спектакль. Сядет его краса ненаглядная в авто, проташится немного да и заглохнет. Вылезет бабонька из тачки, ну и че? В моторе не смыслит, починить не сумеет, куда несчастной деваться? А тут Малина появляется.

– Кто?

– Фамилия его такая, Малина.

– Смешная очень.

– Уж не смешнее Мискина, – оборвал приятеля Сергей, – ты дальше слушай. Станет мадама рыдать, а тут вырывает Эдуард и около нее тормозит. Ну и пошло-поехало. Он ее в наш сервис притаскивает, само собой поломку вмиг находят и за копейки чинят.

– Да уж, – вздохнул Гоша, – у нас за копейки даже головы не повернут.

– Дурачок, – Сергей ласково пожурил недалекого приятеля.

ля, – Эдуард за все уже заплатил, и за ремонт, и за эвакуатор, и нам с тобой хорошая сумма перепадает. Дело за малым – порыться в капоте.

– Так машина небось на сигнализации, – протянул Гоша.

– Нет, – ответил Сергей, – я точно знаю. Спокойно откроешь, на ключи.

Гоша уставился на связку. Яковлев улыбнулся и вытащил из другого кармана деньги.

– Это задаток, – сказал он, – за ерундовое дело. Ты вроде давно DVD-проигрыватель хотел?

Гоша взял купюры.

– А если все же сигнализация срабатывает?

– Нет, такого не случится.

– И меня в милицию заберут? – не успокаивался трусливый Гоша.

Яковлев шутливо ткнул приятеля кулаком в бок.

– Сидеть тебе сто лет в тюрьме.

– Вау, не пойду!

– Ладно, не дрожи, – нахмурился Сергей, – совсем, что ли, в зайца превратился? Ничего не произойдет. Но если вдруг стрясется неприятность, мы с Малиной моментально явимся в отделение и расскажем правду. Тебе чего, деньги не нужны? Сразу скажи, я другого найду, мне спасибо скажут, в ножки за хороший заработок поклонятся!

– Ладно, – согласился Гоша, – но уж ты в случае чего...

– Памперсы надень, – заржал Сергей, – купи себе какие

попрочнее, и вперед.

Впрочем, Гоша, как выяснилось, боялся совершенно зря. Дело прошло без сучка без задоринки, заняло считанные минуты. Машина открылась спокойно, никаких гудков издавать не стала, вела себя так, словно в салон влез хозяин. Гоша мигом выполнил задуманное и быстро уехал в мастерскую. Спустя некоторое время в сервисе появился высокий статный мужчина.

– Эдуард Николаевич! – бросился к нему Сергей. – Что случилось?

– Слышь, помоги, – приятным баритоном сказал Малина.

Гоша только усмехался, глядя на то, с каким озабоченным лицом Сергей бегает вокруг автомобиля дамочки. Ну и актер! Просто в кино сниматься.

– Дальше что? – поторопила я парня, когда рассказ иссяк.

– А все.

– Адрес давай.

– Далеко он живет, – заявил Гоша, – почти на другом конце города.

Я тщательно записала название улицы, номер дома, квартиры и спросила:

– Ты ничего не перепутал?

– Нет, конечно, – засмеялся Гоша, – сам в соседнем подъезде живу.

– С Малиной? – изумилась я.

– Не, – поднял брови Гоша, – с Серегой. Мы с ним всю

жизнь рядом, в одну школу ходили.

– Я думала, ты назвал координаты Эдуарда, – протянула я.

– Так откуда бы мне их знать? – наивно воскликнул грустный юноша. – Вы Серегу потрясите, он точно в курсе.

Я уставилась в окно. Нет, Яковлев ничего не скажет госпоже Таракановой. Похоже, Кира стала участницей какой-то огромной, специально разработанной аферы. Вопрос: кто автор пьесы и с какой целью ее столь виртуозно разыграли? В безоглядно влюбленного, робкого мужчину, этакую помесь Ромео с трепетной болонкой, мне верится с трудом.

– Так когда я в телик попаду? – теребил меня Гоша.

Внезапно я сообразила, как поступить.

– Слушай, оказаться в студии среди зрителей очень просто. Намного интереснее устроиться на работу в «Останкино».

– Кем? – грустно спросил Гоша. – Водителем или механиком в гараж?

– Нет, сначала администратором, потом редактором, а там и ведущим станешь, будешь как Андрей Малахов.

– У меня образования нет!

Я схватила сумочку.

– Знаешь, может, тебе это покажется странным, но в реакциях газет часто нельзя найти ни одного человека с «корочкой» журфака в кармане. А у меня в «Останкине», когда брали на работу в передачу «Проснись и пой», даже не спросили про диплом. Кстати, я не оканчивала институт, еще недавно

была полойкой, но потом выбилась в люди. И ты так сможешь!

– Думаешь? – с надеждой протянул Гоша. – Поможешь мне?

Я прищурилась.

– Про бартерные сделки слышал?

– Конечно. У меня много резины, а у тебя машинное масло, вот мы и меняемся.

– Примерно так. Значит, ты хочешь попасть в «Останкино», а мне нужен адрес Малины. Усек? Постараюсь пристроить тебя, брошу в воду, дальше поплывешь сам. Но при одном условии: достань адрес или телефон Малины!

– Ну где же мне его координаты разузнать? – пригорюнился Гоша.

Я тяжело вздохнула. С таким характером парню в средствах массовой информации делать нечего, его мгновенно скушают местные хищники, проглотят вместе с кроссовками и даже не чихнут.

– Подскажу тебе путь. Поговори с Сергеем, только води себя умно. Обо мне ни слова, о работе на телевидении тоже. Подведи его ненавязчиво к нужной теме и попытайся вытащить из Яковлева хоть какие-то сведения о Малине.

– Ага, – кивнул Гоша.

– Это твой шанс, используй его.

– Понимаю, конечно, я очень постараюсь, изо всех сил.

– Вот и хорошо, – улыбнулась я, – давай свой телефон.

– Лучше мобильный, – забубнил Гоша, – а то по домашнему не дозвониться. Сестра вечно в Интернете сидит, прям беда. Мама хочет выделенку делать. Во время учебного года сеструха хоть утром и днем в гимназии. А сейчас лето, и Верку от компа не оттянуть.

Я ласково улыбнулась глупышу.

– Завтра после полудня я позвоню. Понял? Сегодня же начинай действовать.

– Ага, – закивал Гоша, – мы домой вместе ездим, у Сереги тачка есть. Он меня возит. Он уже заработал на колеса, а я еще нет. Знаете, можно ведь в кредит взять, но боюсь в кабалу попасть. Вот Костька купил гараж, так...

– Ладно, дружок, – оборвала я поток совершенно ненужной информации, – мне пора, а ты беги на работу, а то тебя хватятся, начнут искать.

– Ладно, – согласился парень, – так до завтра?

– Точно.

– И я смогу ведущим шоу стать? Таким же известным, как Малахов?

– Если постараться!

– Обещаю.

– Главное, добудь адрес.

– Ага.

– Ну пока.

– Жду звонка, – выкрикнул Гоша, – очень!

Я помахала ему рукой и поехала прочь. Если Гоша сумеет

нарыть нужные сведения, мне и впрямь придется пристраивать его в «Останкино», потому что обмануть парня с мозгом семилетнего ребенка невозможно. Впрочем, я думаю, проблема разрешится, небось на должность «принеси – подай – пошел вон» особой очереди нет. У меня есть подруга, Лера Сазонова, она работает на радио, так вот у них постоянно вакантно место так называемого младшего редактора. Только не думайте, что этот сотрудник призван сидеть в кабинете и выправлять всякие тексты. Нет, младший редактор – несчастное, задерганное существо, которое постоянно заваривает чай, бежит за бутербродами, притаскивает минеральную воду в студию, в общем, стоит по рангу чуть выше уборщицы и получает такие же гроши. Но умные люди, желающие сделать карьеру в средствах массовой информации, цепляются за любую возможность, чтобы проникнуть в студии. Если я назову вам сейчас фамилии звезд и телерадионаачальников, которые выбились на свои посты со ставки младшего редактора, боюсь, вы мне не поверите. Но для того, чтобы получить в свое распоряжение микрофон и миллионную аудиторию, нужно быть упорным, трудолюбивым, настойчивым, хитрым, умным, не слишком брезгливым, лживым и честным одновременно, здоровым, не нытиком, не хлюпиком и не истериком. Мало на свете людей, обладающих всеми этими качествами вместе, но, с другой стороны, совсем не все и выбиваются в так называемые звезды. Гоша мало похож на человека, способного совершить карьерный взлет, но поче-

му бы не дать ему шанс?

Вообще-то, жизнь предоставляет абсолютно любому человеку возможность повернуть руль своей судьбы, просто не все видят цель. Думаю, что в «Останкине», как и на радио, имеются вакансии младших редакторов, может, только называются они там по-другому: администратор или директор по чаю. Вот завтра выйду на работу, осмотрюсь по сторонам, и, если Гоша сумеет раздобыть координаты Малины, я обязательно пристрою парня в столь желанный для него мир.

Ровно в полшестого утра я показала хмуро зевающему милиционеру новенький пропуск и была допущена в огромный, гулкий холл. Следовало пересечь довольно большое пространство, справа стояли газетные киоски, слева располагалась кофейня. Я судорожно вспоминала дорогу, которой вела меня, знакомя с новым местом работы, Заварзина. Так, сейчас налево, вверх по лестнице, на второй этаж.

Перед глазами снова раскинулся холл, довольно темный, и вновь появились ларьки, в одном еда, в другом всякая всячина. С двух сторон из помещения вытекали длинные, кишкообразные коридоры, я постояла секунду в сомнении, потом повернула налево и медленно пошла вперед, разглядывая обшарпанные двери.

Будучи писательницей Ариной Виоловой, я теперь иногда участвую в некоторых программах в качестве гостя. Если честно, то на центральные каналы меня зовут крайне редко,

но все же пару раз приходилось бывать в легендарном здании на улице Королева, и я должна вам сказать, что внутри оно сильно напоминает самую обычную общеобразовательную государственную школу. Вроде чисто, но бедно, линолеум кое-где протерт, потолок просит гипсокартона, а стены новой краски, двери следует привести в порядок. Насмотревшись всяких кинофильмов, я предполагала, что «закулисье» телевидения – это шикарный интерьер: кожаные диваны и кресла, полированные столы, роскошные люстры, мужчины в костюмах, длинноногие красотки в мини... Действительность оказалась иной.

Я толкнула створку и вошла в небольшую комнату, заставленную разномастными стульями и протертыми пуфиками. Посередине раскинулся низкий стол, на котором гордо высилась банка растворимого кофе, лежали пакет пряников, несколько упаковок печенья и стояла пол-литровая стекляшка, набитая сахаром. Девушка в рваных джинсах и парень в сильно измятых серых брюках молча хлебали из пластиковых стаканчиков дымящуюся жидкость.

- Тебе чего? – весьма нелюбезно спросила девчонка.
- Доброе утро, – проямлила я.
- По мне, так лучше вечер, – устало сказал парень.
- Меня зовут Виола, я новый редактор по гостям, буду работать временно, пока Лена Заварзина из декрета не выйдет.
- Катя, – вяло представилась девушка.
- Леша, – буркнул юноша. – Хочешь кофе?

Я не люблю растворимые напитки, но заявлять об этом сейчас мне показалось неуместным, поэтому я кивнула.

– Садись, – сказала Катя, – вон кипятик, бери пряник.

Не успела я ухватить твердокаменный кругляш, как в комнату влетела маленькая толстенькая тетенька, облаченная в розовый брючный костюм.

– Сидите? – голосом, не предвещающим ничего хорошего, поинтересовалась она.

– Ага, – хором отозвались Катя и Леша.

Вошедшая подскочила к столу, выхватила у меня емкость с кофе, мигом опустошила ее и снова задала вопрос:

– Сидите?!

– Да, – спокойно подтвердили ребята.

– Ах вы....., – забранилась бабенка, – а ну.....!...!

Лицо толстухи покраснело, глаза вылезли из орбит, волосы поднялись дыбом. Мне стало страшно. Тучным, короткошеим индивидуумам противопоказано злиться. У подобных людей, как правило, высокое давление, а в момент визга оно еще больше поднимается. Крикунью мог хватить инсульт.

– Поняли? – закончил «розовый костюм».

– Ага, – вяло сообщила парочка.

– Ну и молодцы, – неожиданно успокоилась тетка, – пойду остальным задание на сегодня дам.

С этими словами она, прихватив несколько пряников, ушла.

– Это кто? – в изумлении поинтересовалась я.

– Анька, – меланхолично сказала Катя, – начальница наша.

– Она всегда утром орет, – элегически продолжал Леша, – не парясь. У нас у каждого свой прикол. Аньке требуется повизжать, это еще не самая мерзкая примочка.

Дверь снова приоткрылась, показалась лохматая голова.

– Хорош трендеть, – пропищала она и исчезла.

Катя потянулась, зевнула, взяла лежащий около нее блокнот и со вздохом сказала:

– Значитца, так! Че имеем? Начало, ля-ля, Костя сегодня.

– Костя! – подпрыгнул Леша. – О, нет!

– Да, – припечатала Катя, – потому как Олеська в отпуск уперла!

– Ужас!

– Переживем, – отмахнулась Катя, – и хуже бывало! Ладно, слышь, Виола, первый гость у нас Антон Хренов, должен через десять минут у мента стоять. Ты его сюда приведешь, чай, кофе, потанцуем, ему морду намажут, звук повесят – и в студию. Пока Хренов квакать будет, ты тут поспишь, затем Хренова вон и нового идиота притащишь. Усекла? Просто до икоты.

– Кто такой Хренов? – полюбопытствовала я.

Катя пошуршала листочками.

– Написано: известный артист, кумир миллионов.

– Не знаю такого.

– Я тоже, – хохотнул Леша, – где он хоть играл?

– В сериале «Крыса», – сообщила Катя.

– Не смотрел, – зевнул Алексей.

– И мне не довелось, – вздохнула я.

– Похоже, его вообще никто не видел, – хихикнула Катя. –

Эх, надо веник приготовить.

– Зачем? – удивилась я.

– Звездную пыль с пола сметать, – заржала девушка.

– Почему Хренова в эфир позвали? – не успокаивалась я. – Если его никто не знает!

Леша объяснил:

– Мы каждый день выходим, время-то забивать надо, а где столько знаменитостей нарыть? Всего-то одну и приглашаем на программу, остальные... ладно, потом разберешься.

– И еще, – принялась просвещать меня Катя, – эфир-то начинается с половины седьмого, вживую. Некоторые утренние программы по вечерам пишутся, а мы напрямую работаем, ваще чума! Ну прикинь, придет к нам в такую рань какая-нибудь Глюкоза? Да она только в три утра после концерта домой притопала! Вот и получается, что, кроме Хренова, хрен кого и зазовешь. Во, каламбур получился!

– Глюкоза придет, – встрял Леша, – она без понтов.

– Таких мало, – вздохнула Катя.

В комнату молча вошла девочка с железным чемоданом в руках.

– Привет, Ника, – обрадовался Леша.

Ника молча грохнула чемодан на полку возле висящего на стене зеркала и стала вываливать из него горы косметики.

– Чего такая мрачная? – насторожилась Катя.

– О..... – вяло отреагировала Ника, – сил нет.

– Выпей кофейку, – проявил заботу Леша.

– Засунь его себе в..., – меланхолично отозвалась Ника, – не трогайте меня! Где Олеся?

– Мы сегодня с Костей, – прозвучало в ответ.

– О-о-о, – простонала Ника, – за что? Я не вынесу его!

– Куда ты денешься с подводной лодки, – вздохнула Катя, потом взяла с пуфика черную коробочку с торчащей антенной и сунула мне.

– На. Тут две кнопки, прием и вызов. Рули за гостем. Хорош трендеть.

Я схватила рацию и понеслась на первый этаж.

Глава 6

В холле по-прежнему было малоллюдно, и я слегка успокоилась, обнаружить Хренова не проблема, около милиционера маячит всего один мужчина, не слишком высокого роста.

– Здравствуйте, – защелкала я, подлетая к посту, – вы Антон?

– Нет, Ваня, – злобно рявкнул мужчина.

– Ой, простите, мне надо встретить актера Хренова! Думала, вы – это он.

– Ты больная? – прищурился Ваня.

– Нет, – опешила я, – а что, плохо выгляжу?

– Слепая, да? – наседал мужик.

– У меня стопроцентное зрение, – обиделась я, – очки мне не нужны.

– Телескоп купи! Я Хренов! Звезду не узнала!

– Простите, пожалуйста, – затараторила я, – только мне нужен Антон, а вы представились Иваном.

– Глупость спросила и такой же ответ получила, – прошипел Хренов, – всей стране известно, кто я, а ты вопросы задаешь! Вот сейчас развернусь и уйду!

Я испугалась до смерти. Надо же, только-только вышла на работу и не справилась с таким примитивным заданием, как привод человека в студию.

– Миленький, – заломила я руки, – ну простите! Я плохо

соображаю с утра! Ну кто же не знает великого Антона Хренова! Да перед вами все остальные пигмеи, соринки, всякие там э... Томасы Крузы и Брэды Питты. Извините, пойдемте, умоляю!

– Ладно, – смилостивился Хренов, – куда двигать-то?

– Стой, – ожил мент, – какая программа?

– «Проснись и пой», – живо ответила я.

– Ща список проверю, – загундосил стражник, – фамилия ваша как?

Антон начал медленно наливать краснотой.

– Хренов, – моментально отреагировала я, – великий Хренов, огромная звезда, можно сказать, звездища!

– Паспорт, – меланхолично велел постовой.

– Что?! – вытаращился гость.

– Если забыл, можно права, – смилостивился сержант.

Хренов посинел.

– Так меня еще нигде не оскорбляли! Да я везде прохожу без документов! Только взглянут раз – и все!

– На телевиденье по морде лица нельзя, – спокойно ответил дежурный, – у нас удостоверение личности требуется.

Хренов начал открывать и закрывать рот, я схватилась за рацию.

– Катя! Проблема!

– Не визжи, – ответила та, разобравшись в сути дела, – ну-ка дай трубку этому придурку.

Я сунула «уоки-токи» Хренову.

– Вас!

Антон удивленно вскинул брови, взял коробочку, поднес к носу и сказал:

– Слушаю, Хренов.

– Ах ты хрен моржовый, – заорало из мембраны с такой силой, что меня отшатнуло в сторону, – еще и прикидывается! Долдон! Немедленно пропусти нашего гостя, а то сейчас спущусь...

Антон сунул рацию менту:

– Это тебя.

– Васильев! – рявнул сержант.

– Ах, теперь ты, Васильев, – орала Катя, – ...!

Воспользовавшись тем, что милиционер заслушался администратора, я вцепилась в Антона и поволокла его через холл на лестницу. Гость отчего-то шел молча, дар речи он обрел лишь в комнате. И тут началось!

В предэфирном помещении Антон устроил настоящий спектакль. Сначала он кричал об ужасном нанесенном ему оскорблении, потом принялся хвататься за сердце, требовал коньяк и валокордин в одном стакане, получил пластиковый стаканчик с напитком непонятного происхождения, опрокинул его в глотку и спокойно сел в кресло к гримеру.

Я обвалилась на диван и тут только сообразила, что моя рация осталась у мента. Антон принялся командовать Никой.

– Мне на крыле носа нанеси темный тон, синяки под гла-

зами высветли, губы сделай ярче! Я сказал, ярче! Ну ты, если работать не умеешь, чего тут топчешься?

Ника абсолютно бесстрастно размахивала кисточкой, обсыпая звезду пудрой.

– У тебя холодные пальцы, – злился Антон.

Гримерша тихонько замурлыкала какую-то мелодию.

– Фу, дерьмом надушилась, – не успокаивался Хренов.

Ника, никак не реагируя на его хамство, взяла расческу.

Я удивилась самообладанию девочки, может, она глухонемая? Хотя нет, ведь только что Ника беседовала с нами.

Дверь скрипнула, впуская в комнату новое действующее лицо, парня лет тридцати в ярко-розовой рубашке.

– Чао! – закричал он.

– Привет, Костя, – прозвучал тихий хор голосов.

– Я готов.

– Вот первый гость, – заулыбалась Катя, – узнаешь?

Костя подошел ко мне, сладкая улыбка украсила его сильно намазанное личико.

– Как же, как же, – защебетал он, – разве можно не узнать такую женщину! Красавицу, умницу, талантливую, кумира страны! Наша программа счастлива видеть вас...

Катя схватила ведущего за плечи, развернула и подтолкнула к креслу.

– Антон Хренов.

– Как же, как же, – моментально переориентировался Костя, – сам Хренов! Какая честь для нас! Радость! Антон! Вы

певец...

– Киноартист, – живо влезла Катя.

– Не перебивай меня, – картинно рассердился Костя, – ох уж эти бабы! Мочи нет с ними работать. Вы певец сериалов, понимаете, да? Истинный талант всегда певец, поэт, вдохновенно поющий роль!

Я с уважением посмотрела на Костю, вот это мастерство изворотливости.

– ...гений телесериалов, ваша «Бригада»...

– Не снимался я в этом отстойном фильме! – взвизгнул Антон.

– А я разве говорил тут о сериале «Бригада»? – совершенно честно удивился Костя. – Ваша бригада, имеется в виду, съемочная группа, создала уникальный, потрясающий, непревзойденный фильм...

– Обожаю их «Крысу», – картинно закатила глаза Катя.

– Да, «Крысу», – обрадованно подхватил Костя, – эти подземелья, подвалы, трубы...

– Там ничего такого нет, – насупился Антон, – у нас психологическая лента.

– Естественно, – замахал руками Константин, – подземелья, подвалы и трубы человеческой души, это задевает!

– Гость готов? – всунулась в комнату голова. – Нам звук повесить надо. Можно вас на секундочку?

Хренов кивнул и вышел, Костя рухнул на пуфик. С его напмаженной мордочки стекла улыбка кретина.

– Вы... – устало сказал он, – ну когда мне нормально будут объяснять, кто в гостях? Что за хрен этот Хренов? Где сценарий, а? Ты чего тут делаешь?

Поняв, что последняя фраза относится ко мне, я пискнула:

– Я редактор по гостям Виола Тараканова!

Костя покраснел, резко встал и, сердито гаркнув:

– Вовсе и не смешно, – вышел в коридор.

Леша, Катя и Ника согнулись от хохота.

– Что такого я сказала? – недоуменно спросила я.

Ника вытерла глаза салфеткой.

– Твоя фамилия и впрямь Тараканова?

– Да, хотите, паспорт покажу! Понимаю, конечно, что она немного смешная...

– Не обижайся, – простонала Катя.

– Вау, – воскликнул Леша, – нарочно и не придумать!

Ника плюхнулась на пуфик.

– Костя – один из наших ведущих, дикий дурак, почему его в эфире держат, особый разговор. Так вот фамилия ему Ловушка. Костин папа украинец, у них бывают такие смешные фамилии, типа Ловушка. Ясное дело, что его тут истребителем тараканов кличут, реклама-то про ловушки для насекомых всех задолбала! Костик прям бесится, когда ее на экране видит, а тут ты еще!

– Эфир пошел, – Леша ткнул пальцем в экран.

Я уставилась в телевизор. Просто чудеса какие-то. Только

что Костя сидел тут, и вот он уже там, внутри ящика. Только ведущий отчего-то стал толще и смуглее.

– Здравсти, здрасти, – зачирикал Костя, – ну-ка, все проснулись и запели. А чтобы вам веселей было пить кофе, мы позвали в гости настоящую звезду, супермена, супермачо, суперактера, суперпарня Антона Хренова. Доброе утро!

Камера отъехала чуть назад, в кадре появился гость.

– Здравствуйте, – кивнул он.

– Сериал «Крыса», – тархтел Костя, – огромный успех, поклонницы, цветы, деньги, в конце концов! Все это вас изменило, или вы остались прежним, простым парнем?

– Э... – открыл было рот Хренов, но Костя мгновенно перебил его:

– Да, конечно, спасибо, а теперь небольшая рекламная пауза.

– Сейчас Хренова уведешь, – велела Катя, – и дуй назад. У нас потом страничка садовода без гостя. Усекла?

Я кивнула. На экране снова возникла студия.

– Перед рекламой я спросил вас о творческих планах, – заверещал Костя.

Я удивилась, вроде речь шла о другом: о славе и деньгах!

– Э... – завел Хренов, – э...

– Спасибо! Конечно, любой актер, а уж такой, как вы, обязательно, переполнен новыми идеями. Мой следующий вопрос может показаться банальным, но, ха-ха, наши зрители хотят знать о кумирах все! Вы женаты?

– Э... э...

– Понятно! Семья для вас главное, дети, жена. Никогда не променяете их на поклонниц.

– Э... э...

– А сейчас небольшая реклама!

Ника вытащила сигареты.

– Костя сегодня в ударе, ни разу Хренова Горчицыным или Редькиным не назвал.

– Молчи лучше, – отмахнулась Катя.

– Еще раз доброе утро, – заорал Костя, – вы проснулись? Мы тоже. У нас в эфире только что был великий, незабываемый, потрясающий, суперский Андрей Хренов.

– Ну вот, – вздрогнула Катя, – слезила ты, вот он уже и не Антон.

Костя вздрогнул, очевидно, кто-то из съемочной группы указал ведущему на ошибку, потому что тот занавесился такой ослепительной улыбкой, что я на секунду зажмурилась. Все тридцать два зуба Константина, безупречно белые и ровные, заполнили экран.

– Итак, спасибо Антону! Огромное, от всех вас! Будем надеяться, что АНТОН Хряпов еще не раз придет к нам и поделится своими мыслями. А сейчас небольшая реклама!

– Вау, – взвизнула Ника, – Хряпов! Ну Костя, блин! Суфлер прочитать не может. Ах-ах, Антон! Вы были супер.

Я вжалась в кресло, с опаской наблюдая, как актер двигается в комнату. Нике, Кате и Леше хорошо, а мне сейчас

вести вниз разъяренного парня. Угадайте, кто будет бит сначала за Андрея, потом за Хряпова, а уже потом за то, что звезду ни свет ни заря приволокли в студию, сунули на три минуты под камеру и не дали сказать ничего, кроме разнотонального «э»? Наверное, следует попросить Олега достать мне каску и бронежилет.

– Ну как? – неожиданно благодушно поинтересовался Хренов.

– Вау! Гениально, – сообщила Катя.

– Вы наш лучший гость, – подхватил Леша.

– Такая глубина мысли, – покачала головой Ника, – невольно задумаешься о смысле жизни. У нас в эфире умные люди редкость.

– Мне показалось, что я недостаточно четко сформулировал свою позицию, – вздохнул Антон.

– Супер!

– Потряс!

– Нет слов!

– Невероятно, замечательно, – вырвалось у меня.

– Ах, обманываете, я выглядел идиотом, – кокетничал Хренов.

– Никогда!

– Супер!

– Нет слов!

– Я мало времени был в эфире, – бубнил Антон.

– Супер!

– Нет слов!

– Не успел про новый сериал сказать! – тянул Хренов.

Катя пнула меня ногой.

– Виола, проводи гостя, он занятой человек, не может на нас свое драгоценное время тратить. Огромное, невероятное спасибо вам, Антон!

– Собственно говоря, я никуда особенно и не спешу, – воскликнул Хренов, – могу кофе попить, рассказать о своих планах!

Ника отвернулась к зеркалу, Леша засунул нос в кружку, Катя заморгала, и тут в комнату с воплем: «Надеюсь, этот идиот ушел?» – ворвался Костя.

Увидав Антона, ведущий выставил зубы наружу.

– О... о, вы были великолепны!

– О каком идиоте вы сейчас говорили? – насторожился Хренов.

В гримерке повисла тревожная тишина, Костя попытался улыбнуться еще шире, уголки его рта уткнулись в мочки ушей.

– О... о...

– Нет, – осенило меня, – идиот еще не появился, он будет в самом конце.

– Это кто? – продолжал спрашивать Антон.

– Актер, который сыграл одну из ролей в телесериале по книге Достоевского «Идиот», – с самым честным видом соврала я.

Костя с огромной благодарностью глянул в мою сторону.

– Знаете, Антон, – проникновенно сказал он, – наверное, неприлично так говорить, но нам всем, абсолютно всем без исключения, кажется, что вы бы в главной роли в «Идиоте» смотрелись лучше всех.

Хренов скривился.

– Да уж! Некоторые режиссеры зовут всяких! Только я бы не пошел в этот сериал. Не царское дело в мыле играть, не мой формат. На «Крысу» я согласился лишь по одной причине, там глубоко философская, психологическая драма. А в «Идиоте» играть нечего. Всем заранее сюжет известен. Она бросится под поезд! Никакой тайны! Зритель от скуки умрет.

– Под поезд? – изумилась Ника. – Кто?

– Ну... эта... господи, как ее зовут, – защелкал пальцами Хренов.

– Наташа Ростова, – подсказал Костя.

Катя прыснула.

– Ой, не могу! Еще скажи Татьяна Ларина!

Ведущий поморщился.

– Вечно ты надо мной подшучиваешь, только я высшее образование имею. Татьяна Ларина у Пушкина, в поэме «Мцыри».¹

Ника закашлялась, а Хренов воскликнул:

---

¹ «Мцыри» написал М.Ю. Лермонтов. Татьяна Ларина одна из героинь «Евгения Онегина», автор А.С.Пушкин.

– Ее звали Анной!

– Карениной? – уточнила Катя.

– Во, точно! – обрадовался Антон. – Ну и скажите, кого мне там играть было? Ее мужа? Он старик! Брата? Так его в начале убивают.

– У Анны не было брата, – со знанием дела заявил Костя. – Только любовник, Вронский, супруг Каренин и маленький сын.

Хренов заморгал.

– Да? Ты что-то путаешь. Имелся брательник, его на войне убили, ну той, с Наполеоном.

Я вздохнула. Может, Хренов имеет в виду Петю Ростова из романа Льва Николаевича Толстого «Война и мир»?

– Нет, – вдруг ожил Костя, – эта роль не ваша, маленький эпизод! Если уж мы говорим об «Идиоте», то вам следовало братья за основного персонажа, Гринева!

– Кого? – захихикала Ника.

Костя с укоризной посмотрел на гримершу.

– Ну ты даешь! Классику знать надо наизусть. Был там такой парень, служил офицером, познакомился с Емельяном Пугачевым, влюбился в дочку своего начальника, она потом его из тюрьмы вытаскивала, к императрице ездила.

– Это «Капитанская дочка», повесть Пушкина, – сообщила Катя.

Хренов и Костя переглянулись, засмеялись, потом Антон сказал:

– Поймать нас хочешь, шутница! Повесть Пушкина! Всем же известно, что он стихи писал!

Глава 7

Освободилась я ровно в десять и с чувством выполненного долга пошла вниз. Перед тем как покинуть «Останкино», я решила вознаградить себя чашечкой кофе и куском торта. Получив капучино и ломоть «Наполеона», я уселась за столик и стала отковыривать ложкой торт. Тесто оказалось твердокаменным, а крем приторно-сладким. Ладно, будем считать, что первая рабочая смена прошла почти удачно, хотя я устала, как ломовая лошадь. Странно, вроде я ничего тяжелого не делала, а ноги словно свинцом налиты.

Рот стала раздирать зевота. Не доев лакомство, я доплелась до машины, кое-как дорулила до дома и плюхнулась в кровать. Глаза захлопнулись, тело расслабилось, голова утонула в подушке. «Вот отдохну полчаса и займусь делами», – промелькнуло в мозгу.

Разбудил меня противный писк будильника. Я приподняла голову и увидела, как Олег, кряхтя, встает с кровати.

– Который час?

– Спи, – шепнул муж, – только шесть.

Я села.

– Шесть чего?

– Утра, – зевнул Куприн.

Я попыталась сгрести мысли в кучу. Шесть утра?

– А какого дня?

– Сегодняшнего, – хмыкнул супруг.

– Число назови!

Куприн подошел к двери, взялся за ручку, обернулся и тихо ответил:

– Седьмое августа, две тысячи...

– Спасибо, год я помню.

– Уже хорошо, – кивнул муж, – положение не столь безнадежно, как казалось вначале. Продолжаю: тебя зовут Виола, фамилия Тараканова, под именем Арины Виоловой ты пытаешься писать детективные романы. Говорить, сколько тебе лет?

– Не надо, – буркнула я, нашаривая тапки.

– Ладно, – согласился Олег, – тогда о грустном. Ты замужняя дама, так сказать, хозяйка дома.

– Перестань, я просто спросонья забыла сегодняшнее число.

– Отлично, – не успокаивался Куприн, – наверное, ты помнишь и то, что в холодильнике у нас мышь удавилась!

Я замерла с тапкой в руке.

– Мышь? В холодильнике? Господи, что она там делала? Надеюсь, ты убрал останки несчастного грызуна! Какой ужас! Надо немедленно вызвать специальную службу, морильщиков!

Олег хмыкнул:

– Маленькая наивная мышка хотела обнаружить на полках хоть крошечку еды. Но, увы, увидела внутри только ба-

тареею лаков для ногтей и какую-то несъедобную штуку под названием «Рагу из капусты». Посмотрела серая разбойница на пейзаж, вздохнула, нашла веревку и повесилась с горя, не забыв оставить записку: «В моей смерти прошу винить Виолу Тараканову. Она теперь работает на телевидении, приходит домой в десять утра и спит потом целый день и следующую ночь, забыв о голодной семье». Ладно, я пошел на работу, там в буфете поем.

Высказавшись, муженек удалился. Я схватила халат. Все верно, в холодильнике ничего нет, одна капуста, потушенная в чугунной кастрюле без масла, соли и сахара. А почему такое блюдо? Семен, муж Томочки, несколько недель назад потерял сознание. Мы испугались, отвезли его в больницу, где доктор, сделав обследование, категорично заявил:

– Или вы худеете на двадцать килограммов, или вам станет еще хуже. Кстати, второму мужчине, вашему спутнику, тоже следует снизить вес.

Выйдя на улицу, наши мужья мигом подошли к ларьку, купили по бутылке пива, быстро опустошили их и закусили пенную жидкость чипсами с луком.

– Что вы делаете! – налетели мы на них. – Вам велено худеть!

– Разве ж это еда! – хором ответили Олег и Семен.

И вот теперь у нас дома идет война. Томочка готовит лишь диетические блюда, больше никакой еды в квартире нет. Мы выбросили вон сахар, соль, печенье, конфеты, мака-

роны, масло. Никаких сочных котлет, жирного творога, нежных сливок и варенья. Мясным супам и кашам на шестипроцентном молоке объявлен беспощадный бой. Если желаете подкрепиться, пожалуйста: овощной бульон или пюре из зеленого горошка, капустное рагу, яблоки... Но, увы, наши неразумные мужчины набивают желудки в буфете. К сожалению, мы с Томочкой не можем проконтролировать их днем, но вот по ночам они теперь больше не имеют возможности лопать трехэтажные бутерброды из мягкой булочки, масла, сырокопченой колбасы и сыра. Сезон охоты на холодильник закрыт, браконьер обнаружит на полках совершенно некалорийные овощи.

Натянув халат, я побрела на кухню. Работать на телевидении, слава богу, надо не каждый день. Будем надеяться, что в дальнейшем я сумею после окончания эфира не спать сутки напролет.

Утро побежало своим чередом. Олег и Сеня уехали на работу. Томочка отправилась с Никиткой в парк, Кристина умчалась с подружками купаться, а я стала шляться по квартире, раздумывая, с чего начать домашние дела: загрузить стиральную машину, а потом взяться за пылесос? Или наоборот? А еще нужно сесть за стол и начать писать новую рукопись. Впрочем, встречу с музой можно временно отложить. Пять дней тому назад я отволокла своему редактору, Олесе Константиновне, новый шедевр, и теперь нужно дожидаться ее замечаний. Вот исправлю все и со спокойной со-

вестью схвачусь за ручку, а пока у меня заслуженный отпуск. И день следует начинать красиво.

Значит, так, на фиг уборку и стирку. Дело это глупое. Едва смахну пыль, как она снова сядет на мебель, а выстиранные вещи потребуют глажки. Сложу их в шкаф и услышу от Олега, что его рубашки валяются измятыми. А так – в шкафу пусто, следовательно, и уютг вытаскивать незачем. Сначала приму ванну с пеной. Затем выпью кофе, потом...

Приятные мысли нарушил звонок телефона. Я посмотрела на часы. Девять утра, немного рановато для постороннего человека. Надеюсь, ничего не случилось с домашними.

– Вилка, – зачастил в трубке голос Киры, – ну как? Добыла квитанцию?

И тут я сразу вспомнила об ожерелье и Эдуарде Малине.

– Кируся, – защебетала я, – не волнуйся, все хорошо.

Подруга молча выслушала информацию.

– Мне конец, – прошептала она.

– Не говори ерунды!

– Он вор.

– Ну... может, и так!

– Спер украшение.

– Кирочка, – попыталась я успокоить Нифонтову, – еще не вечер...

– Нет, – резко перебила меня она, – все очень и очень плохо. Просто ужасно. «Ошейник» с изумрудом исчез, я его не найду. Придется сказать Борьке правду, он расвирепееет, вы-

гонит меня вон, отберет детей...

– Ну и чушь тебе в голову пришла! – воскликнула я. – Предположим, муж решит подать на развод. И что ужасного? Ты же не убогая пьяница! Уважаемый человек, кандидат наук, получаешь зарплату. Разбежитесь в разные стороны интеллигентно. Боря воспитанный человек, он оставит тебе квартиру, станет платить алименты на детей.

Кира истерически захохотала:

– Нет, ты его не знаешь. Борька всегда говорит: «Если мы разойдемся, имей в виду, детей не получишь никогда». Он меня вытолкает вшаей да еще всем вокруг расскажет, что я шлюха. Знакомые на его стороне окажутся.

– Кируся, – попыталась я успокоить подругу, – подожди, до праздника почти месяц, можно...

– Нельзя, – оборвала меня Нифонтова, – ладно, Вилка, спасибо, ты тут, конечно, ни при чем. Я совершила ужасную глупость, мне за нее и отвечать. Все. Понятно?

– Эй, постой, – заорала я, – не вздумай ничего рассказывать Борису!

– Он в Питере, вернется через три дня.

– Вот и хорошо.

– Просто замечательно, – протянула Кира. – Ладно! Прощай, Вилка! Не поминай меня лихом!

Из трубки понеслись противные гудки. Я растерянно положила телефон на столик, пошла было в ванную, но потом вернулась, набрала номер Киры и услышала:

– Сейчас я не могу ответить на ваш звонок, оставьте сообщение после гудка.

Решив не сдаваться, я попыталась соединиться с Кирой по мобильному.

– Аппарат абонента выключен или находится вне действия сети, – сообщил механически-вежливый голос.

В мое сердце холодной змеей стала вползать тревога. Хотя с какой стати я дергаюсь? Вполне вероятно, что Кира на работе. Я сбегала за записной книжкой и стала снова тыкать пальцами в кнопки.

– Слушаю, – прозвенел тоненький, совсем детский голосок.

– Будьте любезны Нифонтову.

– Ее сегодня не будет.

– Почему? – вырвалось у меня.

– Заболела, – равнодушно сказала собеседница, – только что звонила и сообщила: «Не приду, сердце прихватило». Оно и понятно! Жарища какая!

– Спасибо, – пробормотала я, – большое спасибо.

Змея тревоги превратилась в дракона. Пару минут я стояла столбом, потом стала одновременно натягивать футболку, джинсы, кроссовки, схватила ключи и побежала к машине. С какой стати Кира сказала мне: «Прощай, Вилка! Не поминай меня лихом!»

С чего ей в голову взбрели эти слова?

Дверь в квартиру Киры украшала записка: «Открыто.

Входите».

Я ринулась по коридору, громко крича:

– Эй! Ты где?

Мрачная тишина послужила ответом. В гостиной пусто, в кабинете, кухне, детских комнатах тоже. Последней шла спальня Киры. Я влетела в опочивальню, отделанную розовым шелком, и сразу увидела Нифонтову. Подруга, одетая в красивую пижаму, лежала на кровати. Волосы ее были аккуратно уложены, лицо тщательно подкрашено, на тумбочке лежала записка. Мои глаза разом увидели весь текст.

«Боря! В моей смерти никто не виноват. Доктор сказал, что я неизлечимо больна. В этом случае лучше добровольно уйти из жизни. Я очень люблю тебя. Я была тебе верной женой и хорошей матерью. Подаренное тобой ожерелье я отнесла в монастырь, чтобы монашки поминали меня, совершившую страшный грех самоубийства, в своих молитвах. Это было моим последним желанием. И потом, ты же подарил мне его, значит, я могла поступить с ним по своему усмотрению. Прости. Прощай. Тебе одному придется растить детей. Твоя несчастная Кира».

Трясаясь от ужаса, я вытащила мобильный. Господи, сделай так, чтобы Лиза была на работе. Наша с Томочкой давняя приятельница, Лиза Вишнякова, работает в больнице, в отделении, куда свозят людей, решивших под влиянием минуты уйти из жизни.

– Вторая токсикология! – прозвучало из трубки.

– Девушка, – заорала я, – позовите Вишнякову! Срочно!
– Сейчас.

Я перевела дух, слава богу, повезло.

– У телефона, – произнесла Лиза.

– Господи, – завизжала я, – помоги!..

Около сорока минут я сидела, леденя от ужаса, около Киры. Все попытки напоить ее водой окончились неудачей. Нифонтова никак не реагировала на меня, не отвечала на вопросы и не шевелилась. Но она была жива, дышала тихо-тихо, медленно, почти незаметно.

– Что она сожрала? – деловито спросила Вишнякова, врываясь в спальню. За ней маячила медсестра.

Я ткнула пальцем в пустые упаковки.

– Вот.

– Ясно, – рявкнула Лизавета и принялась ловко отламывать головки у ампул.

Один укол, второй, третий, капельница... Я отвернулась. Никогда бы не сумела стать врачом, мне слабо воткнуть иглку в живого человека, а уж разрезать его скальпелем я не смогу даже под страхом смертной казни.

Загрохотали носилки. Киру, несмотря на жару, сначала укутали в теплое одеяло, а потом понесли в машину. Мы с Лизкой тоже влезли в «рафик».

– Рассказывай, – велела Вишнякова.

Я заколебалась.

– Понимаешь, это не моя тайна.

Лиза скривилась:

– Колись, голуба. Ты же знаешь, я кладбище чужих секретов.

Поместив Киру в палату реанимации, Вишнякова вышла ко мне и сказала:

– Пошли покурим.

Вытащив из пачки сигарету, Лизавета сердито заявила:

– В моем отделении девяносто процентов дур, решивших свести счеты с жизнью из-за любви. Кирка сошла с ума.

Я вздохнула:

– Да уж! Только Борис ничего не должен знать, иначе плохо дело.

Лиза стала накручивать на палец прядь волос.

– Прямо беда, есть определенные правила, которые я нарушать не имею права. Попытка самоубийства была? Следовательно, я обязана сообщить близким.

– Лизка! Придумай что-нибудь! Мы же столько лет дружим, – взмолилась я.

Вишнякова прикусила нижнюю губу, прищурилась, потом швырнула недокуренную сигарету в ведро.

– Ладно. Запоминай! Кирка решила похудеть и обожралась таблеток. Попытки суицида не было. Кто-то сказал ей, что от «волшебных тайских таблеток», принятых в большом количестве, можно сбросить вес. Вот дура и слопала их разом.

– В такое никто не поверит, – затрясла я головой.

Вишнякова ухмыльнулась:

– Обычное дело. Недавно сюда тетку привезли, хотела к отпуску «уши» на бедрах убрать. Вообще-то жрать меньше надо, но дамочка решила пойти иным путем – выпить уксусу. Где-то она вычитала, что это самое замечательное средство для мгновенного обретения шикарной фигуры. Можно я не стану тебе описывать последствия? Вообще, маниакальная страсть к похуданию доставила медикам массу неприятностей! Чего только не пьют бабы, мечтающие превратиться в скелет! Клей, стиральный порошок, медный купорос! Хавают не известные никому лекарства! Привезут такую, без сознания, рядом муж или мама рыдают. Начинаешь спрашивать: «Живо говорите, что пила, от этой информации жизнь вашей кретинки зависит». Ну и суют тебе аннотацию, всю на китайском, сплошные иероглифы. Вот и гадай, какой там состав.

– Что ж получается, таблетки от похудения вообще пить нельзя? – удивленно спросила я.

– Почему нельзя? Конечно, можно. Только все нужно делать с умом. Сначала следует обратиться к врачу, чтобы он прописал безопасное и по-настоящему действенное средство. Вот, например, есть замечательный препарат ксеникал. Выпиваешь его с обедом или ужином – и все, жирная еда не усваивается организмом. Очень просто, эффективно и безопасно – принимаешь ксеникал и забываешь о лишнем весе... Так что предлагаю в случае с Кирой использовать ту же

ситуацию. Тогда я имею право просто ее лечить, и муж ничего не узнает. Вот только...

– Что?

– Если человеку в голову по-настоящему взбрела идея лишиться себя жизни, он попытается совершить еще одну попытку. Чтобы предотвратить суицид, надо изменить ситуацию.

– Извини, я не поняла!

– Все очень просто, – спокойно продолжала Кира, – если N полез в петлю из-за того, что лишился работы, то ему следует помочь найти службу. Коли А наелась таблеток от несчастной любви, то, выздоровев, она должна увидеть обожаемого парня с букетом роз. Ясно? Ищи ожерелье. Только оно спасет Киру.

Я закивала:

– Да, да, конечно. Скажи, она долго тут пролежит?

– Сколько надо.

– Мне можно с Кирой поговорить?

– Пока нет.

– А когда?

Лизка развела руками.

– Очень не люблю делать прогнозы. Как только, так сразу.

– Борису сообщат?

– Естественно, я сама позвоню и обману его.

– Вдруг кто-то в отделении проговорится?

– Исключено. В истории болезни я напишу то, что считаю нужным, письмо Киры ты выбросишь.

– Не пускай к ней мужа, – взмолилась я, – с Кирки станет-
ся начать молоть глупости.

– Он в реанимацию не пройдет!

– Точно?

– Абсолютно.

– Вдруг денег даст медсестрам?

– В палату интенсивной терапии Борьку не пропустят да-
же за все сокровища мира, – мрачно заявила Лиза и добави-
ла: – Пройти туда можно лишь в одном случае.

– Каком? – испугалась я.

Кирка смяла пустую пачку.

– Очень надеюсь, что он для Кирки не настанет. Но если
случится беда, тогда, ей-богу, все равно, что услышит Борис
от жены. Хотя это только в кино главная героиня долго про-
щается с супругом, рассказывая ему о своих страданиях. В
нашей реанимации все происходит по-иному, исповедей не
бывает. Если бы самоубийцы знали, каково на самом деле
умирать, большинство из них мигом бы позабыло о глупо-
стях.

Глава 8

Умывшись в больничном туалете, я выпала на улицу, ощутила липкую духоту, добрела до «Жигулей», шлепнулась на раскаленное сиденье и вытащила мобильный. Номер сервиса оказался занят. Предприняв пару безуспешных попыток, я вздохнула и порушила в сторону улицы Народного Ополчения, скорей всего, Гоша сейчас на работе.

На ресепшен в салоне сегодня сидела круглощекая толстушка в белой футболке.

– Позовите Гошу, – попросила я.

– Нет его, – испуганно ответила администратор, – могу предложить Максима.

– Но Гоша...

– Ваш автомобиль у него?

– Ну... да!

– Макс! – заорала девушка.

Из служебного помещения высунулся парень.

– Чего?

– Вот, пришла! Гоша ее тачку чинил.

Юноша подошел к ресепшен и улыбнулся:

– Фамилию назовите.

– Тараканова.

– Сами сдавали или поручили кому? – деловито осведомился Максим, двигая мышкой. – Что-то не вижу вас.

– Я просто хотела поговорить с Гошей.

– А-а... его нет, – быстро ответил Максим.

Я поманила парня пальцем.

– Можно тебя на минутку? Давай отойдем в сторону.

Механик, не выразив удивления, выполнил просьбу.

– В чем дело? – спросил он. – Жаловаться хотите?

– Нет, нет, я думала нанять Гошу. Понимаешь, в вашей мастерской чинить дорого, с деньгами у меня туго. Вот приятели и посоветовали Гошу, дескать, сумеет «на коленке» тачку взбодрить и возьмет недорого. Не знаешь, где парня найти можно?

Макс поскреб в затылке.

– Да тут дело такое, плохое!

– Что случилось?

– Разбились они.

– Кто? – еле ворочая языком, спросила я.

– Гошка и Серега Яковлев. Мы прям в шоке, – сказал Максим. – Сережка машину классно водил, тачку недавно купил, не новую, конечно, но он за ней следил. И вдруг – шаровая опора вдребадан. Ну и ну! Они как раз по МКАД ехали, скорость приличная была. Хорошо, хоть сразу погибли, не мучились. По отбойнику их размазало.

– Когда случилось несчастье? – проямлила я.

– Сегодня ночью, – охотно пояснил Макс, – нам утром позвонили, только-только на работу пришли, и тут такое! Теперь руководство на ушах стоит. Серега-то ведущим масте-

ром был, к нему со всей Москвы ехали. Гоша, тот урод, хотя о покойниках плохо не говорят, но толка от него не было. А у Яковлева и голова варила, и руки золотые. Ща наш Иван Семенович их родственников ищет. Серегины в Крым укатили, адреса нет. А Гошина мать в деревню подалась. Удалось связаться только с его сестрой.

Не чуя под собой ног, я вышла на улицу. Так, Вилка, попытайся сохранить хладнокровие, спокойно разложи все по полкам. Гоша обещал узнать адрес Эдуарда Малины у Сергея Яковлева. Каким же образом могли разворачиваться действия?

Гоша, мечтающий попасть на телевидение, рьяно принялся «интервьюировать» Яковлева. Увы, Мискин был не слишком умен, а вот Сергей не выглядел дураком! Естественно, он догадался, что приятелем движет не простое любопытство, и начал вытряхивать из него информацию. Вот тут-то Гоша и раскололся, сообщил обо мне и о заманчивом предложении оказаться на службе в «Останкине». Что же случилось дальше? Думаю, Сергей бросился звонить Эдуарду с сообщением, что его разыскивает некая Настя Трифонова. Ох, хорошо, что я не назвала своего настоящего имени, не похвасталась перед Гошей, что являюсь писательницей Ариной Виоловой. Потому что в противном случае моя судьба могла быть печальной. Ну с какой стати у машины Сергея Яковлева вышла из строя таинственная для меня штука? Я не знала, что в автомобилях бывают шары! Парень классный ме-

ханик, он следил за тачкой. Куда ехали ночью приятели? Решили найти себе девочек? Или надумали просто погулять? А может, их под благовидным предлогом зазвал к себе Малина? Испортил машину Яковлева, а потом позвонил Сергею и сказал:

– Собирайтесь ко мне на дачу, шашлычок пожарим.

Или наоборот? Сначала пригласил на гулянку, улучил момент, быстро подпортил эти самые шары и спокойно махал ручкой вслед парням, зная, что тех через пару километров ждет смерть?

Думаю, Сергей хорошо знал Эдуарда. Вопрос: где они познакомились? Почему у мужчины оказались документы на фамилию Малина? Если он простой мошенник, аферист, влюбляющий в себя замужних женщин, а потом разводящий их на деньги, то с какой стати ему убивать Гошу и Яковлева? Чтобы те случайно не выдали его?

Несмотря на жару и липкую духоту, меня заколотил озноб. Иногда на Куприна нападает болтливость, и он начинает рассказывать о криминальном мире. Олег убежден, что преступники редко «меняют ориентацию». Грубо говоря, если вас грабит домушник, то он вовсе не собирается убивать хозяев. Воришка хочет получить чужое имущество, и ему нет никакого смысла вешать на себя «мокруху». Может, вам такое заявление и покажется странным, но себе подобных убивают, как правило, не профессиональные преступники. Карманник, мошенник, брачный аферист, угон-

щик автомобилей занимаются своим делом, и трупы им ни к чему. Другое дело заказное убийство, его совершает наемный киллер, человек, получающий деньги за работу. Кстати, убирать ненужных свидетелей они не любят, предпочитают обходиться лишь выполнением заказа. Как это ни печально, но основной процент убийств дают банальные, бытовые распри. Сели, выпили, схватились за ножи, табуретки, молотки. Знаете, какое самое распространенное орудие убийства в России? Сковородка, чугунная кухонная утварь, которую разъяренная жена опускает на голову пьяницы-мужа.

Так зачем мошеннику Малине устранять парней и становиться кандидатом на пожизненное заключение. Чего он так испугался? Ну, предположим, я нахожу его, Кира, что маловероятно, обращается в милицию, и... Эдуард спокойно сообщает: «Она сама дала мне ожерелье в долг. Увы, пока не могу вернуть украшение, Кира моя любовница, поэтому я и позволил себе взять камни с золотом».

Никакой уголовщины в ситуации нет, простая история. Малина брильянты не крал... Единственное, что можно вменить ему в вину, – использование чужого документа. Ну зачем при таком раскладе кого-то убивать? Или дело намного серьезней? Ожерелье всего лишь вершина айсберга, а ведь всем известно, что семь восьмых гигантской глыбы скрыто под водой.

У меня закружилась голова. Во что втянули Киру? Кто? С какой целью? Чего желают добиться? Может, я усложняю си-

туаацию? Эдик банальный жиголо, стырил украшение и пропал. Яковлев с Гошей разбились из-за неполадки в машине, и все! Но нет, что-то подсказывает мне: дело нечисто!

Сплошные вопросы, никаких ответов. Одно лишь знаю точно, оборвана единственная тоненькая линия, ведущая к Эдуарду, я забрела в непроглядно черный тупик, из которого нет выхода, куда ни суйся, везде каменные стены. Бедная Кирка, похоже, я не сумею ей помочь!

Злые слезы подступили к глазам, и тут ожил мобильный.

– Да, – проглотив горький комок в горле, сказала я, – слушаю, говорите.

– Малина беспокоит, – прохрипело в ухе.

Я чуть не выронила сотовый.

– Кто? Эдуард? Как вы меня нашли?

– Ванда я, – сообщил голос, – сами же телефончик оставили. Велели звонить, ежели чего вспомним.

Тут до меня дошло, что от неожиданности я перестала дышать и сейчас задохнусь. Сделав огромный глоток воздуха, я воскликнула:

– Вы что-то можете рассказать? Знаете, кто паспорт у мужа брал!

– Ага, – кашлянула Ванда.

– Уже еду.

– Пятьсот баксов, – предупредила супруга Малины.

– Что?

– Сведения продаются.

Я стала лихорадочно подсчитывать имеющиеся у меня деньги. Так, в коробочке, где храню «хозяйственные» рубли, есть сумма, эквивалентная ста долларам, еще триста затырены в шкафу, под постельным бельем. Это неприкосновенный запас, госпожа Тараканова пытается собрать на новую машину. Делаю я это очень оригинально. Из каждой полочки отстегиваю некую сумму и запикиваю под чистые простыни. В этот момент ощущаю себя богатой женщиной и бываю страшно довольна. Но уже через неделю становится понятно, что оставленных на хозяйство денег катастрофически не хватает, и снова приходится лезть в шкаф, на этот раз, чтобы вытащить накопленное. Ситуация тупо повторяется каждые тридцать дней и напоминает анекдот о бедных крестьянах, которые утром сеяли картошку, а вечером ее выкапывали, потому что очень хотели есть.

– Четыреста, – быстро сказала я, – могу привезти через пару часов.

Ванда снова закашлялась.

– Ладно, к восьми вечера. Ты метро хорошо знаешь?

– Всю жизнь в Москве живу!

– Ну и ладушки, приезжай ко мне на работу, там и поболтаем.

– В какую сторону катить?

Ванда назвала станцию и спросила:

– Найдешь такую?

– Конечно, а дальше, я выйду на улицу, и куда?

– Никуда, я на кассе сижу, подойдешь к окошку. Значит, к восьми. Народ схлынет, я отойти смогу.

Я бросила телефон на сиденье и стала перестраиваться в левый ряд. Никогда не следует сдаваться. Отчаянье – это грех. Жизнь интересная штука, в тот момент, когда кажется, что выхода нет и ты начинаешь тонуть, неведь откуда появляется плывущее по реке бревно, уцепившись за которое легко можно спастись. А еще, если понимаешь, что неведомая сила затягивает тебя на дно жизни, надо не плакать, не стонать, а опуститься вниз и, сильно оттолкнувшись, вынырнуть на поверхность. Чем хуже нам сейчас, тем лучше потом, из любой ситуации можно найти два выхода, главное, никогда не говорить себе: «Все. Конец. Я погибла».

Вот тогда точно расстанешься с жизнью, даже оказавшись в тарелке с супом. Человек, который верит в свою удачу, выберется из наглухо запаянной консервной банки. Надо лишь твердо помнить – все будет хорошо. Вот мне же сейчас повезло! Не успела пасть духом, как позвонила Ванда. Она явно знает что-то интересное и теперь хочет продать информацию в обход мужа-пьяницы. Супруга Малины желает одна завладеть долларами. Да здравствуют жадные люди! Ура корыстолюбивым личностям!

В эйфорическом состоянии я доехала почти до самого дома и притормозила у супермаркета. Наверное, Олег прав. Мы с Томочкой перегнули палку. Дома должны быть продукты, а не только вареные капустные листья. Сейчас много всего ди-

етического, обезжиренного. До встречи с Вандой полно времени, я успею сделать необходимые покупки, отвезти их домой, взять доллары...

Напевая себе под нос, я пошла вдоль стеллажей, укладывая в проволочную корзинку упаковку йогуртов с надписью: «Жирность 0 %», колбасный сыр, печенье без сахара и крабовые палочки, в которых от благородных морепродуктов остался лишь запах. Некие сомнения охватили меня при виде торта, украшенного надписью: «Бисквит с низкокалорийными сливками, минимум жиров и углеводов». Насколько я понимаю, пирожных, от которых человек худеет, попросту не бывает. Уже у кассы я, вспомнив, что Олег еще позавчера обиженно воскликнул: «У меня нет крема для бритья», взяла из расположенной рядом открытой витрины тюбик. Наверное, многие люди забывают приобрести всякие мелочи, вот продавцы и подтащили к выходу разную лабуду, типа бритв, шариковых ручек, дезодорантов и игрушек.

– Ой, молодец, – обрадовалась Томочка, увидев меня с туго набитыми пакетами в руках, – я только-только собралась в магазин. Сеня так ругался, увидав капусту! Просто категорично сказал: «Это есть не стану ни за какие деньги!»

Тихо посмеиваясь, Томочка принялась засовывать еду в холодильник. Я налила себе чаю и села у стола. Надо было купить те два «низкокалорийных» пирожных, мы бы с Томуськой сейчас съели их со спокойной совестью, потому что

наш совокупный вес не превышает и ста кило.

– Это что? – удивилась Тamarочка, вертя перед глазами тюбик.

– Крем для бритья, – ответила я, – его не надо в холодильник класть, сейчас в ванную отнесу.

– Интересно, – протянула Томуська, – ты видела, что на нем написано?

– Где?

– Вот тут, читай.

Я взглядела в мелкие буквы. «Крем для бритья Хорьков».

– Хорьков? – удивилась я. – Но зачем их брить? Насколько я понимаю, хорек – такое не слишком крупное животное.

– Мохнатое, – задумчиво протянула Тamarочка, – короткошерстное, но, наверное, волосы с него все равно сыплются.

– Ты о чем?

– Вроде хорьков теперь держат дома, ну как собак или кошек, – задумчиво сказала Томуся, – наверное, хозяевам не нравится собирать клоки шерсти, вот и придумали специальный крем для бритья хорьков. Намазываешь его, и вжик, вжик, готово, почти лысый домашний любимец, никаких проблем с уборкой.

Я продолжала рассматривать тюбик.

– Странно. Слово «Хорьков» написано с большой буквы.

– Правильно, – воскликнула Томочка, – это же название

животного!²

– Да?

– Точно.

– Но я приобрела это средство у кассы.

– Ну и что?

– Если этот крем для Хорька, то он должен продаваться в специализированном отделе, там, где стоят шампуни и лежат всякие прибамбасы для четвероногих.

– Верно, – согласилась Тamarочка.

– Значит, крем для людей!

– Но ведь тут четко написано: для бритья Хорьков!

Пару минут мы недоуменно рассматривали яркий цилиндр, потом меня осенило.

– Ясно! Смотри, здесь указано: сделано на Украине.

– И что?

– Следовательно, надпись на украинском. В этом языке много смешно звучащих для русского уха слов. Вот, допустим, перукарня, это, по-твоему, что?

– Пекарня, – подумав мгновение, сказала подруга.

– А вот и нет! Парикмахерская. А зупынка?

– Стоматологическая клиника?

– Остановка трамвая или автобуса!

– Что же такое Хорек?

– Думаю, это крем для бритья подмышек.

Томуська покрутила пальцем у виска.

---

² Названия животных пишутся с маленькой буквы: слон, лиса, бегемот и т. д.

– Вилка! Ты того, да?

– Рассуди логично. У нас место под рукой называется подмышка. Никогда не задумывалась, при чем тут мыши?

– Не-а, – помотала головой Тamarочка.

– Я тоже, подмышка и подмышка. А украинцы небось зовут эту часть тела – хореk. Он тоже грызун. Ясно?

– В принципе, да, – осторожно ответила Томочка, – крем для бритья Хорьков, то есть подмышек?

– Точно.

– Лучше отнести его назад в магазин.

– Почему?

– Олегу не понравится пользоваться таким средством.

– Верно, – пробормотала я.

– Чек сохранился?

– Да.

– Вот и сходи быстренько, обменяй на нормальный, для людей, – посоветовала Томуся.

Глава 9

Увидав тюбик, кассирша вяло спросила:

– И чем он вам плох?

– Я хочу другое средство.

– С какой стати? Купили – и пользуйтесь.

– Оно мне не нравится!

Девушка повертела упаковку.

– Срок годности не истек. Вы его сами выбирали, нет никакого основания для обмена товара.

– На название гляньте!

– Крем для бритья Хорьков, – протянула кассирша.

– А я хочу брить лицо, – быстро сказала я.

Кассирша с огромным удивлением уставилась на меня.

– Да ну? – выпалила она. – У вас, че, борода растет?

С трудом подавив желание треснуть дурочку проволоочной корзиной по носу, я процедила:

– Нет. Крем предназначается мужу. Но у него нет хорька, если имеется в виду домашнее животное. А если хорек – это подмышки, то тоже не надо.

Девушка прыснула:

– А может, Хорек – это не то и не другое!

– Что же тогда?!

– Ну... хи-хи... сами понимаете!

Вот тут я обозлилась до крайности, да у этой идиотки в

голове одни скабрзные мысли.

– Позовите администратора!

– Алла Николаевна, – завопила девушка, – подьте сюда!

– Люда, – укоризненно воскликнула дама лет сорока, выныривая из-за стеллажей, – сколько раз тебе говорила, слова «подьте» в русском языке нет.

– Все меня учат и учат, – надула губки Люда, – прям за самую глупую дуру тут держат! Лучше гляньте, чем мы торгуем!

– Крем для бритья Хорьков! – изумилась Алла Николаевна. – Это кто ж такие?

Люда захихикала, я открыла было рот, но тут Алла Николаевна метнулась к стойке, составленной из проволочных корзинок, над залом полетел ее смех.

– Покупательница, идите сюда.

Я подошла к администратору.

– Вот, – веселилась Алла Николаевна, – смотрите: «Крем для бритья. Харьков». Это просто опечатка, на одной партии в название города вкралась ошибка, и получилось Хорьков.

Я стала рыться в корзинке. Действительно, на одних тюбиках стоит: Харьков, на других – Хорьков.

– Надо же! – восторгалась Алла Николаевна. – Какая вы внимательная. Целый месяц торгуем, и никто ничего не заметил.

Я выхватила упаковку с правильной надписью и ушла домой. Никто не предлагал брить грызунов, и хорек не имеет

отношения к подмышкам. Не следует делать сложных выводов, как правило, необычная ситуация имеет более простое объяснение, чем это нам представляется.

Ванду я нашла сразу, едва спустилась под землю. Она восседала в кассах за одним из стеклянных окошек. Я наклонилась к тарелочке, на которую следовало класть деньги.

– Здрасти.

– На сколько поездок?! – мрачно гаркнула Малина, не поднимая глаз.

– На четыреста долларов.

Ванда сфокусировала на мне взгляд.

– А, пришла. Иди в дверь с табличкой «Вход запрещен».

Я повернула голову, увидела надпись, толкнула створку и оказалась в крохотном предбанничке, выкрашенном темно-голубой краской.

– Здесь я, – крикнула Ванда, – на кухне! Влево поверни.

Я послушно выполнила приказ и очутилась в комнатенке размером с пачку сигарет. У одной стены стоял стол с электрочайником, возле другой – две табуретки.

– Садись, – велела Ванда, – деньги принесла?

– Да.

– Покажи!

– Вот.

– Давай! – жадно воскликнула кассирша.

– Э, нет, – помотала я головой, – сначала стулья, а уж по-

том ассигнации.

– Стулья? – вытаращила круглые глаза Ванда.

Я вздохнула, тетка, похоже, не читает книг, она никогда не слышала про писателей Ильфа и Петрова.

– Рассказывай, что знаешь, а потом получишь «гонорар».

– Нашла дуру, – подбоченилась Ванда, – ща все выложу, а ты уйдешь, и ау!

– Я честный человек!

– Я тоже. Давай бабки! Иначе рта не раскрою, и ты ничего не узнаешь. Тебе ж правда нужна!

– А тебе деньги!

Разговор зашел в тупик.

– Ладно, – пошла на компромисс Ванда, – сто доллорешников вперед! А остальное в конце, по рукам?

Я кивнула и положила около чайника купюру. Кассирша мигом схватила ее, сунула в потертый кошелек, удовлетворенно вздохнула и завела рассказ:

– Эдька у меня третий муж. Первые два померли, допились до смерти. Во, представь, невезуха! Ну где только другие бабы нормальных находят. Вон в соседнем окне Раиска сидит, сама страшная, ноги колесом, ни груди, ни жопы, готовить не умеет, грязнуля, а муж ей попался золотой. Не пьет, не курит, каждую копеечку в дом тащит! У них и дача, и машина, и мебель! А у меня?

Я спокойно слушала Ванду. Каждый народ достоин своего вождя, а каждая жена – своего мужа. Если на вашем пути

с тупым постоянством попадают пьяницы, то, может, дело не в мужчинах, а в вас самой? Значит, вы приманиваете именно таких, нормальные мужики на вас смотреть не хотят. Вопрос: почему? Ну это не ко мне. Лучше всего спросить это у самой себя!

— И первый от «белочки» убрался, и второй, — бубнила Ванда, — осталась я одна-одинешенька, тосковала горько, совсем уж подумала, что жизнь кончена, но тут к нам на работу Эдька нанялся.

Ванда очень обрадовалась, узнав, что новый механик, призванный следить за турникетами, пропускающими пассажиров на станцию, холост. Конечно, Эдуард не был красавцем, скорей наоборот, но свободные мужчины в наше время редкость, выбирать не из кого, следует хватать то, что проплывает мимо. Да еще коллега Ванды, тоже вдова, Наташка Ломакина, стала вовсю кокетничать с Малиной. Ванда испугалась конкуренции и живо прибрала Эдика к рукам.

Поначалу жизнь их текла просто замечательно. Ванда переехала к мужу. То, что Эдик жил в коммуналке, ее не смущало. Потому как она сама имела десятиметровку в густонаселенной квартире. Свою комнатенку Ванда сдала студентке, получаемые от девушки копейки старательно прятала в кубышку. У Эдика в квартире в соседках была всего лишь одна полуглухая и слепая баба Зина, совершенно не конфликтная и не вредная. Ванду она приняла как родную, конфорки на плите не занимала, потому что крошечная пенсия не позво-

ляла старухе готовить себе обед из трех блюд. Баба Зина в основном питалась кефиром. Наверное, из-за вынужденной диеты она практически никогда не занимала санузел, еще старуха не ворчала, не требовала вывешивать расписание с точно указанным временем мытья коридора, практически не жгла электричество и шмыгала по коридору тенью. Очень скоро Ванда стала относиться к ней как к родной и принялась угощать старуху супом. Баба Зина в благодарность сказала:

– Зачем мне две комнаты? Давай в одной гостиную сделаем.

Ванда обрадовалась, и скоро они начали вместе смотреть телик. Эдик никак не комментировал ситуацию. Он обретался в этой квартире с детства и держал бабу Зину за тетку. Вот так и проводили дни, жили счастливо. Потом Эдик вдруг запил. Да как! Неделю квасил без отдыха. Заплаканная Ванда вышла на кухню, села у стола и сказала бабе Зине:

– О господи! Ну что случилось? Ведь нормальный, трезвый мужик, чего его на ханку потянуло!

Баба Зина деликатно кашлянула.

– Так, – пробормотала она, – точно, опять понеслось!

– Ты о чем? – насторожилась Ванда. – Эдька непьющий. Я ученая, за двумя алканавтами замужем побывала. Третьего не хотела. Очень хорошо пьяниц вижу. Да мы с Эдькой год живем, он водку не нюхал, даже пиво и то не пьет! Трезвенник! Потому я и расписалась с ним.

Баба Зина тяжело вздохнула:

– Эх, милая! Надо бы тебе раньше сказать, да Эдик припугнул: дескать, проговорюсь, он меня к батарее привяжет. Запойный твой муж.

Ванда прислонилась к стене, а баба Зина вещала дальше:

– Когда он пить начал, я и не упомяну. Весь в отца пошел. Колька, покойник, таким же был. Несколько месяцев золотой, а потом сорвется и киряет без остановки десять дней. Вынырнет из запоя, неделю в себя приходит и снова чин-чинарем, в белой рубашке. Умный ведь человек был, врач, пока не помер от водяры.

– Доктор? – удивилась Ванда.

– Ты чего про мужа-то знаешь? – спросила баба Зина.

Ванда призадумалась.

– Ну... москвич, прописка постоянная. Родители на кладбище, он в метро работает, зарплату получает, братьев, сестер, всяких родственников не имеет. Была у него жена, да скончалась, детей не оставила.

– Эх-ма, – вздохнула баба Зина, – экие вы, молодые, нелюбопытные. Вот в наше время замуж выходили, так про жениха все разузнавали, не ровен час дурной человек попадется, распишешься с ним, и выяснится: родичи по тюрьмам сидят! Ладно, слушай про свое сокровище. Знаешь, кто в нашей квартире жил?

Ванда пожала плечами:

– Нет.

– Ага, – кивнула баба Зина, – значитца, так. У меня сейчас две комнаты, у вас две, жируем на большой площади, спасибо Лужкову. Это он приказ написал, чтобы к таким, как мы, никого не подселяли. Вот помру, ты хозяйкой всей квартиры станешь.

– Живи двести лет, – быстро сказала Ванда.

– Оно хорошо бы, – вздохнула бабка, – но не получится. Так вот, раньше в нашей квартире много жильцов было. У двери Попов Владимир Семенович, рядом с ним Смайкин Паша с супругой, затем Малина Колька с женой Светкой, у них потом Эдик родился, а в крайней я вместе с Игорем Федоровичем.

Жили мирно. Жилплощадь людям предоставил НИИ, в котором они работали. Директор института собирал кадры по всей стране. Чем занимался на работе муж, Зина не понимала. Игорь был врачом, а она работала простой медсестрой в поликлинике. Супруг редко рассказывал о служебных проблемах жене, а вот с соседями они часто говорили на научные темы, потому что все, и Смайкин, и Малина, и Попов, работали вместе. Более того, все они были провинциалами, талантливыми учеными, привезенными в столицу из разных мест: кто прибыл из Ростова, кто из Новосибирска, а Смайкина принесло аж из местечка Мары. Да и жены оказались кто откуда.

Первой квартиру покинул Смайкин, он получил отдельную жилплощадь и уехал. Баба Зина более с ним никогда не

встречалась. Потом и Поповы перебрались в свою квартиру. У Володи с Верой родилось несколько детей. Соседи далеко не уехали, жили по соседству, и их дети пошли в одну школу.

Но, несмотря на то что бывшие соседи были практически рядом, Зина с ними не встречалась. Честно говоря, ни Смайкин, ни Поповы ей особо и не нравились. Когда толклись вместе на коммунальной кухне, Зина, человек спокойный, неконфликтный, никогда не сварились, но дружбы, допустим, с Верой Поповой не заводила. Зина даже стала забывать Поповых, но тут судьба устроила им встречу. Спустя много лет после разъезда Зина в булочной встретила Веру. Та неожиданно бросилась ей на шею с объятиями. Зинаида удивилась, но вежливость предписывала пригласить Веру в гости, напоить ее чаем.

– Загляни к нам, – улыбнулась Зина.

Вера мгновенно согласилась, пришла туда, где раньше жила сама, выпила чайку и вдруг стала плакать. Через пару мгновений Зинаида поняла, по какой причине Верочка кинулась к ней, словно к родной сестре. Поповой очень хотелось пожаловаться на жизнь, но, похоже, у нее просто не было близких людей, готовых выслушать исповедь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.